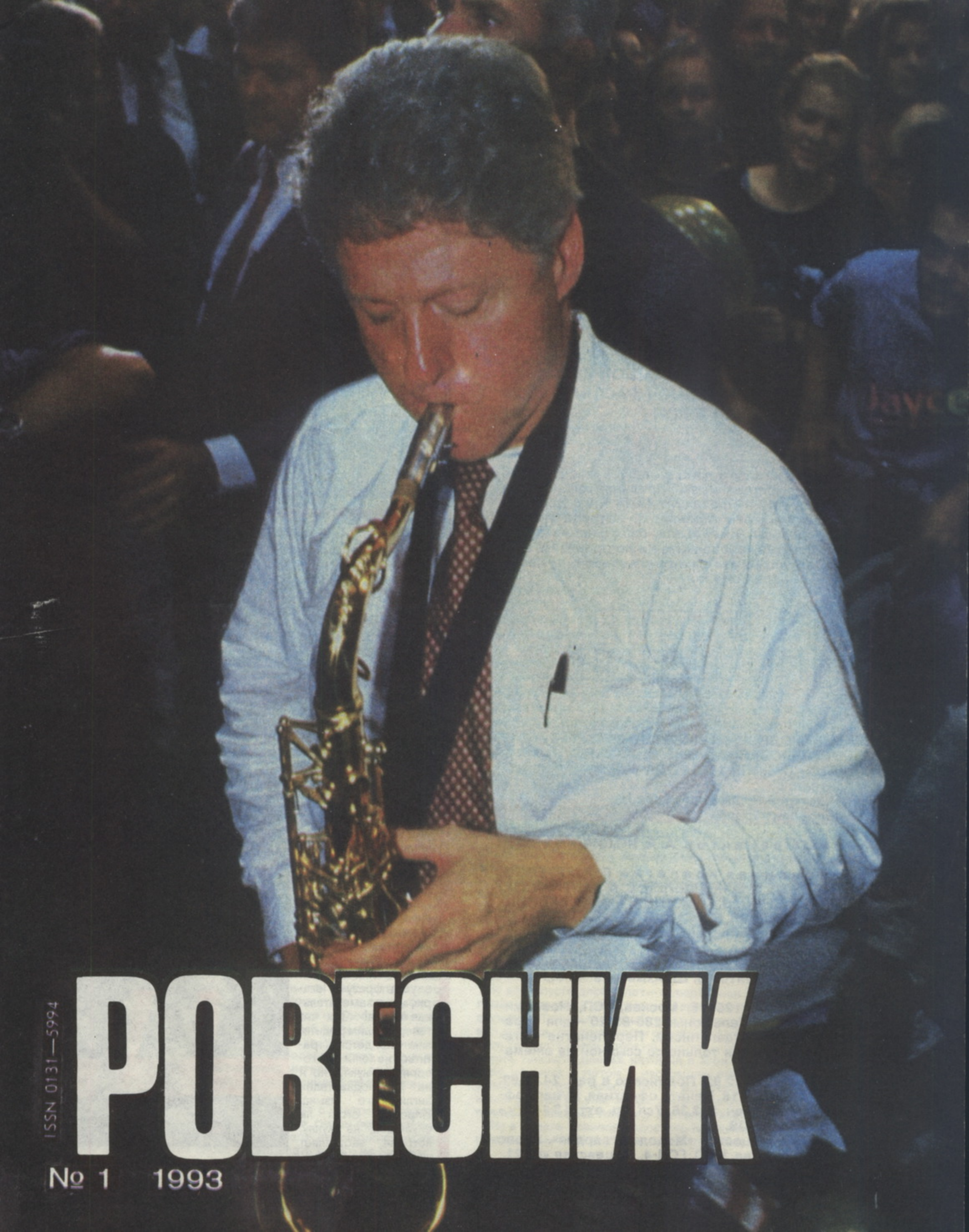

ISSN 0131—5994

РОВЕСНИК

№ 1 1993

В НОМЕРЕ:

СМОТРИТЕ	4
Тим Уэллс и Уильям Трипплетт. НАРКОТИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ: ГОЛОСА С УЛИЦЫ	6
Сьюзен Якоби. ЖИЗНЬ В МЕЧТАХ ОПАСНА	10
Султана. ПРИНЦЕССА	12
Минда Цетлин. КАК ПРИДУМАТЬ И ПРОДАТЬ	14
РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»	15
Петер Шнайдер. ПСЫ СТЕНЫ	19
В. Симонов. ИЗ ЧЕГО СДЕЛАНЫ ЧУДЕСА?	20
ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...	22
Алексей Поликовский. БОЛЬШОЙ КУЛАК	24
Стивен Кинг. НА ПОСОШОК. РАССКАЗ	26
И. Невская. ПАПУЛЯ ДЖОН	31
ВИДЕОКЛУБ	31

На первой странице обложки: новое поколение выбирает новых президентов... Вот он перед вами — 42-й Президент США Билл Клинтон. Представитель того поколения, которое носило длинные волосы, именovalo себя «нацией Вудстока» и вообще хотело жить не по правилам, а по чести... Дай Бог 42-му Президенту сберечь ту честь, которую он обрел смолоду.

РОВЕСНИК

№ 1 ЯНВАРЬ 1993

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Учредители:
журналистский коллектив редакции
АО «Молодая гвардия»

Главный редактор А. А. НОДИЯ

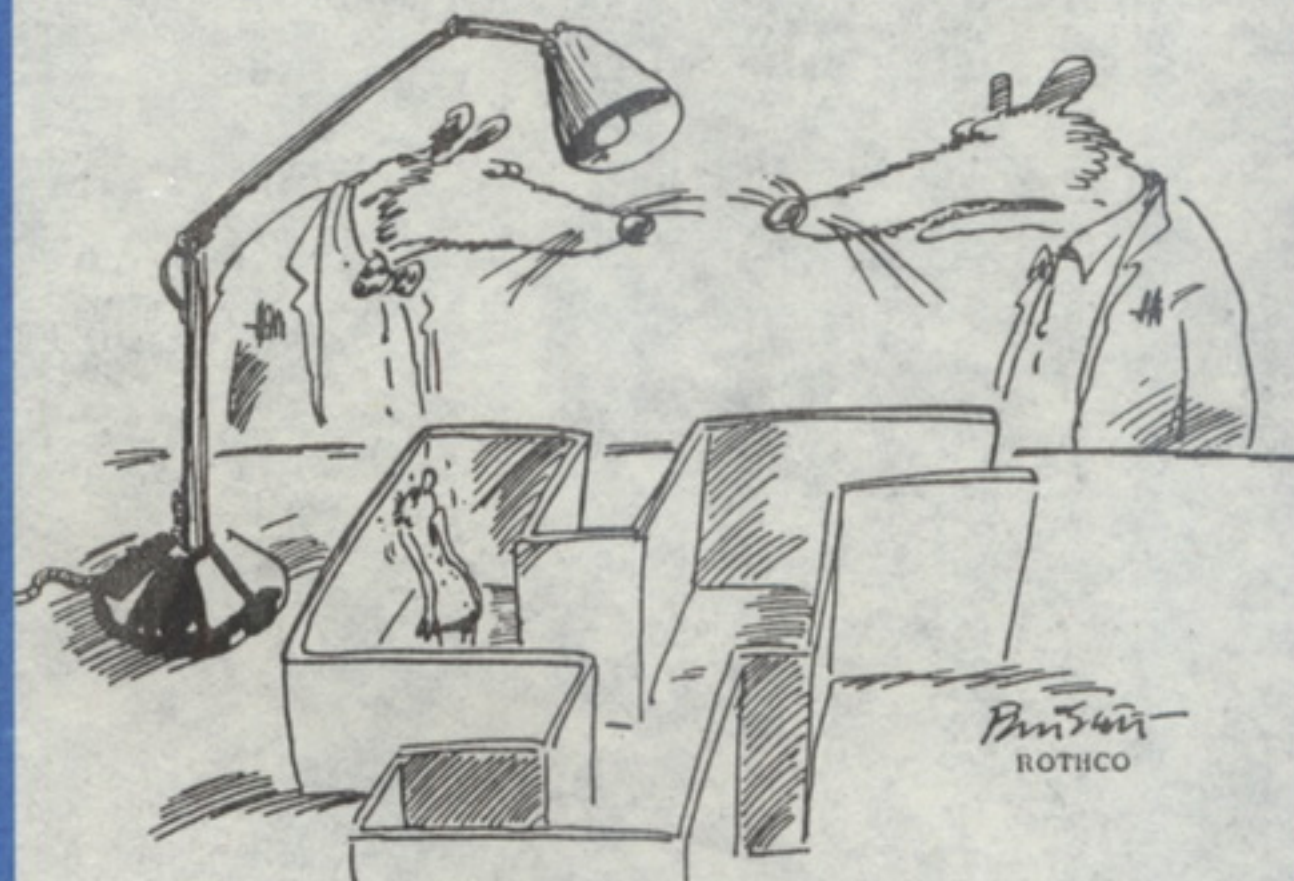
Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ,
С. М. ГОЛЯКОВ, С. В. ЖУРАВЛЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ,
В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ,
Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, И. А. ЧЕРНЫШКОВ (зам. главного редактора)

Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Технический редактор З. Ш. Ахметова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 14.12.92. Подписано в печ. 24.12.92. Формат 84 x 108 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 3,36. Усл.-кр. отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,3. Зак. 2139.

Акционерное общество «Молодая гвардия». Адрес АО: 103030, Москва, Н-30, ГСП-4, Суцевская ул., 21.

А ЧТО РИСУЮТ?

— Нет, эти особи совершенно бесполезны для серьезных исследований! Вот этот, например, все время мечется и вопит: «Боже, сделай так, чтобы это был сон!»

Журнал «Харперз», США

НАШИ РОДИТЕЛИ, И ТАК ИЗМУЧЕННЫЕ ЦЕНОЙ НА КУКЛУ БАРБИ

и ее столь же привлекательных сестренек, еще не представляют, какие муки их ждут! А дело в том, что Барби стала говорящей. И первое же ее публичное выступление стало поводом для протестов со стороны Ассоциации женщин-преподавательниц университетов. Ибо Барби, открыв рот, с места в карьер объявила: «Математика — ужасно трудная штука!», что возмутило членов Ассоциации, они объявили подобный подход «сексистским и унижающим женское достоинство». Компания-производительница с этим согласилась и вложила Барби в уста фразу «Логарифмы — замечательная штука!». Так что теперь нашим родителям придется трагиться не только на говорящую куклу, но и на преподавателей английского языка. Впрочем, стоит ли скупиться на куклу, которая заставляет учиться?

БЛОНДИНКИ И БРЮНЕТКИ, В ОЧКАХ И БЕЗ ОНЫХ, НО НЕПРЕМЕННО ТЕ, КОТОРЫЕ ЗА РУЛЕМ — И БЕЗ РУЖЬЯ, поскольку это у нас запрещено... Вы, конечно, стараетесь соблюдать правила дорожной безопасности. А как насчет безопасности личной? Подобные проблемы есть не только у нас, и вот какие рекомендации дает нью-йоркский полицейский Франко Бруно — человек, как понимаете, опытный.

НИКОГДА не подвозите незнакомцев.

ВСЕГДА держите стекла в автомобиле поднятыми или же лишь слегка приспущенными. Держите все двери закрытыми. Для парковки выбирайте хорошо освещенные места.

ПРИПАРКОВАВШИСЬ, проверьте: нет ли возле вашей машины подозрительных типов? Если что-то вызывает беспокойство — найдите другое место. Выходите из машины как можно быстрее.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К АВТОМОБИЛЮ, держите ключи наготове, чтобы их не нужно было искать в сумочке.

ЕСЛИ ВАМ КАЖЕТСЯ, ЧТО ВАС КТО-ТО ПРЕСЛЕДУЕТ, ни в коем случае не езжайте домой — не показывайте преследователю, где вы живете. Двигайтесь в направлении милицейского поста или отделения милиции.

НУ, И САМОЕ ГЛАВНОЕ: держите автомобиль в исправности и регулярно проводите профилактику — чтобы не было вынужденных остановок в незнакомых и опасных местах.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ТАРЗАН. Белокурый атлет Вольф Ларсон стал девятнадцатым по счету исполнителем роли героя джунглей Тарзана в истории кино. От экс-Тарзанов он отличается прежде всего обутыми ногами (в джунглях-то полно колючек, а киноремя 90-х стоит дорого!) и довольно высоким уровнем экологической грамотности. Беречь джунгли от разрушительного влияния современной цивилизации ему помогает прелестная ученая-натуралист Джейн, которую играет французская актриса Лидия Дэни.

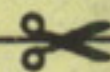

С ГОДАМИ ОНА СТАНОВИТСЯ ЕЩЕ ПРЕКРАСНЕЙ. И речь, увы, не о женщине. А о дорогой обуви. При этом дорогие туфли и ботинки — это не прихоть, а трезвый расчет. Обувь ручной работы и только из натурального материала стоит своих денег: ни единой побрякки моде-одноразовке, ни грамма синтетики, только натуральный материал! Потому что истинная обувь — это не вещь, а часть человеческого тела.

И, кстати, — неплохое вложение капитала: достойный этих произведений искусства уход (никакой химии, только кремы на основе натуральных компонентов), и обувь будет делать вас счастливыми еще лет двадцать.

СМОТРИТЕ

1
2
3
4
5
6
7

ПРИЗ — 50 000 РУБЛЕЙ!

Вы получите этот приз, если правильно назовете всех, кто изображен на опубликованных здесь фотографиях. Уверяем, каждого из них вы хорошо знаете — все они стали очень известными людьми. Под фотографией стоит номер, впишите полное имя этого человека в графу с тем же номером в карточке внизу. Когда вы заполните все графы, вырежьте карточку, приклейте ее на почтовую открытку и пошлите на адрес редакции. Не забудьте указать на открытке свой обратный адрес!

Ваши ответы будут учитываться в том случае, если на почтовом штемпеле стоит дата отправления не позднее 30 марта сего года. Если победителей конкурса окажется больше одного, тогда обладателя денежного приза в 50 000 рублей определит жребий. Удачи!

СМОТРИТЕ

4

5

6

7

СМОТРИТЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРОВ:

Мы начинаем смотреть на наркотические войны как на сражения между какими-то высшими силами — между добром и злом, богатством и бедностью и т.п. Однако по сути сражаются не могучие конфликтующие стороны, а люди — против людей. Центральные фигуры этой каждодневной бессмысленной бойни — дельцы, наркоманы, полицейские, дети, их родители, врачи и медсестры. Каждому из них есть что поведать миру, и каждый из них — жертва, неважно, погибает он от наркотиков или от того, что пытается им противостоять. Эти люди находятся на линии фронта. И они обычно предпочитают молчать.

Мы прочесывали улицы американских городов, мы прислушивались к голосам молчания. И вот что мы услышали.

ВРАЧИ

«По рации нам сообщили о перестрелке. Мы включили сирену и помчались к месту происшествия. Жертва — подросток — сидел за рулем

НАРКОТИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ: ГОЛОСА С УЛИЦЫ

Тим УЭЛЛС
и Уильям ТРИПЛЕТТ,
американские журналисты

своей машины. В него стреляли в упор, между глаз.

Типичная для такой публики «разборка». Только представьте: мальчишка разъезжал в новенькой спортивной машине, весь обвешан золотыми побрякушками. Когда санитары приподняли парня, из кармана пиджака вывалилась скомканная куча долларов. Тысячи три, не меньше. Одного взгляда на рану было достаточно, чтобы понять: парень больше не жилец. Но он все еще был в сознании и даже мог говорить.

Положив его на носилки в карету «скорой помощи», я наклонился и сказал: «Все очень серьезно. В тебя стреляли, и, по-моему, тебе не выжить. Ты понимаешь, что я тебе говорю?» Он слегка кивнул.

«Пока ты еще в сознании,— продолжал я,— может быть, скажешь, кто в тебя стрелял?»

Он пристально посмотрел на меня и, захлебываясь кровью, произнес одно слово: «Нет».

«Выходные дни — это сущий кошмар. Больничные коридоры переполнены пациентами. И так с пятницы до

понедельника. За час к нам поступает от трех до пяти жертв с пулевыми ранениями. Плюс полицейские регулярно подвозят тех, кто «перебрал» дозу, одуревших от крэка детишек.

Полицейские постоянно торчат в больнице. Представьте себе, на полу умирает какой-нибудь мальчишка, а на него насаждает полицейский, требуя, чтобы тот сказал, кто в него стрелял. А мы в этом аду работаем и пытаемся лечить людей».

«Еще бы мне не узнать свою работу, когда человек попадает ко мне в руки вторично! Привезли тут одного парнишку с пулевым ранением груди. Я вскрыл грудную клетку — безнадега. Пуля фактически разорвала сердце. Он умер. Когда мы раздели его, на левом бедре я увидел свежий шрам. Это же я сам штопал паренька пару недель назад! Тогда им занимался инспектор по борьбе с наркоманией среди подростков... Видимо, мальчишка снова взялся за свое».

«Ужасно, когда их привозят в сознании — как правило, это агония и они понимают, что их ждет. Они умоляют, хватают за руки и не отпускают до самого конца. К этому трудно привыкнуть. Как в фильмах ужасов, когда из могилы протягивается мертвая рука и хватается живого человека. Лучше, когда они без сознания или в коме».

В ЗОНЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

«Наш бизнес захлестнула волна насилия. Все теряет смысл. Когда я только начинал заниматься героин — это было в 1978 году, — все было куда пристойнее. И бессмысленного насилия было гораздо меньше. Сегодня молодежь не понимает значения страха. Их волнуют лишь золотые цепочки и шикарные автомобили. Если какой-то пиздон подставил дилера (торговец наркотиками. — *Пер.*) и весело проматывает его денежки, дилер больше не берется за бейсбольную битку, чтобы внушить негодяю почтение и вколотить в него немного страха. Нет, сегодня он вынужден заботиться о своем реноме, поэтому он берет пистолет и просто пришивает пиздона на месте. Теперь так проще».

«Когда я первый раз убил человека, это был шок. Мелкий торговец наркотиками делал свой маленький бизнес, перепродавал товар за небольшие комиссионные. Я приставил пистолет ему к затылку и сказал: «Не двигаться, приятель! Просто стой тихо, и все обойдется». Но этот болван дернулся и полез в карман. Боже мой, подумал я, у этого типа есть оружие! Поэтому и выстрелил. Когда я нажал спусковой крючок, мне показалось, что весь мир перевернулся. Я видел, как пуля вошла в него — сила выстрела была такой, что его подбросило в воздух, а потом швырнуло на тротуар.

Увидев, как он упал, я бросился на-

тек. Все произошло среди бела дня, я застрелил человека прямо на улице! Я испугался. Я подумал, что теперь его дружки примутся за меня. Когда я наконец остановился, колени у меня подгибались, а руки дрожали, как у алкоголика. Ведь до этого мне ни разу не приходилось убивать...

На следующее утро я внимательно просмотрел газету, но так и не нашел сообщения об убийстве. Поэтому я решил, что тот тип, наверное, выжил».

ПОЛИЦЕЙСКИЕ

«Никому не хочется разбирать убийства на почве наркотиков. И желающих дать свидетельские показания не найти днем с огнем. Свидетели просто боятся давать показания. Они уверены, что после этого их тоже убьют — как в большинстве случаев и происходит».

Прошлой ночью я прибыл на место происшествия: одному парню прострелили грудь. Он занимался наркобизнесом. Когда мы приехали, он был еще в сознании. На вопрос инспектора дилер ответил: «Пошел ты... Я ничего не скажу. Я сам в состоянии позаботиться о себе».

Через полчаса он умер. А на нас повисло дело об убийстве. Мы пытались беседовать с его друзьями, родственниками, и все они говорили одно и то же: «Пошли вы... Мы сами позаботимся об этом».

С такими вещами детективы из отдела по расследованию убийств сталкиваются регулярно. Ничего другого и ждать не приходится. И постепенно начинаешь ненавидеть людей. С этим ничего нельзя поделать. Когда ты все время сталкиваешься с ситуациями, где дилеры стреляют в дилеров, а свидетели отказываются говорить, у тебя возникает желание запихать папку с делом на самую дальнюю полку и выругаться: «Пошли вы все... Хоть бы вы, наконец, прикончили друг друга».

И, по правде, в последнее время все больше и больше дел решаются именно таким образом».

«Нам приходится прибегать к самым разным способам, в частности, использовать информаторов. В Оклахоме много озер, полно курортов и ночных клубов. Естественно, там же и наркотики. Я вытащил из алабамской тюрьмы одну девчонку, которая согласилась быть моим осведомителем — мне нужен был человек, неизвестный в тех местах. Ввел ее в тот круг, сделал права на управление автомобилем и запустил в оборот. Вскоре она сообщила, что мэр одного из курортных городков крепко приторговывает наркотиками. Мы с ней разработали план.

Это была еще та девица! Когда мэр был на какой-то встрече, она прошмыгнула к нему в кабинет. Мэр возвращается, а в офисе его ждет эта штучка в мини-юбке. Мэр — пожилой человек, он, наверное, лет сорок пять мечтал, чтобы к нему в кабинет загля-

нула такая пташка.

После того как он получил все что положено, она сказала, что неплохо было бы ширнуться — а он только счастлив ей услужить. Девочка была подсоединена к микрофону, я сидел в своей машине и слышал каждое их слово. Она купила у него товар, и мы взяли его с поличным».

«Один деляга рассказал мне, что им как-то раз удалось запродать крупную партию наркотиков за безумную сумму, это было несколько мешков денег. Они принялись пересчитывать, и вскоре весь пол в квартире был засыпан купюрами, от стены до стены. Они стояли по колено в деньгах».

Потому-то среди законников так расцвела коррупция. Полицейские делают налет, и кто-то из них обнаруживает в одной из комнат тысячи долларов наличными. Он хватается сколько помещается в кулак и сует деньги в карман — он прекрасно понимает, что это гораздо больше, чем его месячный заработок. И он также знает, что никто не станет пересчитывать эти деньги».

«В Нью-Йорке полным-полно домов, в которых отказываются селиться люди. Знаете, как это получается? В один прекрасный день в таком доме поселяются дилеры, они занимают несколько квартир — и все, этого достаточно, чтобы дом покинули нормальные жильцы. Через какое-то время даже домовладелец прекращает собирать квартплату, и ситуация становится бесконтрольной. Вскоре место превращается в крэк-хауз, время от времени там постреливают, короче — именно в таких домах мы и занимаемся своей работой».

Дилеры понимают, что рано или поздно к ним пожалует полиция, и потому готовят для нас примитивные ловушки. Например, разбирают перекрытия и покрывают образующиеся пустоты линолеумом, чтобы, наступив на такое место, человек провалился в тартарары. Иногда забивают гвозди в перила и подпиливают ступени — таким образом, чтобы человек, падая, схватился именно за те места, где гвозди...

В последнее время они стали использовать специально дрессированных пит-буллей: собакам удаляют голосовые связки и натаскивают на хватку в пах. Ты приходишь в такой домик, темень, хоть глаз выколи, и на тебя молча набрасываются несколько псов. Они не могут рычать, потому атака получается внезапной. И целятся они только в пах.

А ведь когда-то я очень любил животных. Увы, теперь я стреляю в этих собак без колебаний. На моем счету их уже больше сотни».

ЗАКЛЮЧЕННЫЕ

«Перемещение с улицы в тюрьму означает переход из одной наводненной наркотиками зоны в другую. Вы уди-

витель, когда узнаете, как легко переправить наркотики в тюрьму. Я сидел девять лет, и у меня не было ни малейших проблем.

Самый распространенный способ передачи — через посетителей во время свиданий. Если у тебя есть ребенок, жена может спрятать наркотик в пеленках — ты берешь ребенка на руки и точно знаешь, где и что искать. А чтобы пройти «шмон» после окончания свидания, надо лишь упаковать наркотик в надувной шарик и проглотить».

«Я часто болтал с одним надзирателем. Тогда он мне казался самым тупым человеком на свете. И вот где-то месяц назад открываю газету и вижу там фотографию этого парня. Оказывается, он теперь под следствием: организовал в тюрьме сеть реализации наркотиков. Он и еще один надзиратель проносили кокаин в специальных пакетах, которые привязывали к ногам. Представляете, я общался с ним целый год и думал, что тупее его просто не бывает! Мне казалось, я знаю все, что происходит в тюрьме — а там действительно кое-что происходило, — и, как выяснилось, за всем стоял этот парень. До сих пор не могу поверить. Я знал надзирателей, у которых можно было разжиться «травкой», но чтобы этот болван!.. Этот сержант очень хотел стать лейтенантом. Но как и всех, его сгубила жадность».

СУДЬЯ

«Суды завалены делами, и тут не до серьезных разбирательств — только подумайте: в среднем у меня на каждое дело получается всего по четыре с половиной минуты. Мы даже не имеем возможности выяснить, справедливо ли возбуждено то или иное дело!.. А при такой нашей загруженности и невнимательности рядовым торговцам легко бывает отвертеться.

То, что наши возможности весьма ограничены, очевидно. Чтобы в этом убедиться, достаточно прогуляться по зданию суда. Залы заседаний расположены в подвальных помещениях. Канализационные и водопроводные трубы висят прямо над головой, и всякий раз, когда где-нибудь на верхних этажах спускают воду, я вынужден прерывать слушание, потому что рев труб заглушает мой голос. А в соседнем зале присяжные заседают в пальто, потому что там очень холодно. Предварительные слушания проводятся в коридорах, а защитники и прокуроры общаются в обеденный перерыв — либо в пиццериях, либо в «Макдоналдсе»».

ЕЩЕ ОДИН ПОЛИЦЕЙСКИЙ

«В день принятия присяги каждый новоиспеченный полицейский уверен, что именно ему предстоит изме-

нить мир. Он воображает, что вскоре упрячет всех негодяев за решетку и на улицах станет мило и уютно. Он думает, что раз правительство доверило ему пистолет и побесило на грудь бляху, мир непременно изменится к лучшему.

Но очень скоро вы начинаете понимать, что в действительности все совсем не так. Вы узнаете, что система функционирует таким образом, что людей невозможно держать в тюрьмах всю жизнь. Подавляющее большинство негодяев, которых вы арестовываете — и по ком действительно плачет тюрьма, — в конце концов подают апелляции и получают минимальные сроки. Неважно, скольких вы арестовали — на улицах по-прежнему тысячи дилеров, и они благополучно продают наркотики. Волна убийств, грабежей и разбоя нарастает. Город превратился в громадную выгребную яму, и совершенно неважно, сколь усердно вы работаете — вам не удастся вычистить его. Система правосудия тоже изрядно пахнет, а это, в свою очередь, ожесточает вас, мало-помалу вы превращаетесь в циника.

Еще немного, и вы опускаете руки. К чему так напрягаться? А после того как вас пару раз подстрелили, вы начнете благоразумно избегать опасных ситуаций. Вместо того чтобы говорить себе: «Я — полицейский, я улучшу этот мир», вы начинаете задавать себе один и тот же вопрос: «Ради чего, черт возьми, я рискую жизнью?»

ДИЛЕРЫ

«Я продаю наркотики с тринадцати лет. К пятнадцати годам на продаже кокаина, героина, «травки» и крэка я делал по десять тысяч в день. Моя доля составляла две с половиной. Для подростка это безумные деньги, причем — каждый день!

Я снял в приличном доме двухкомнатные апартаменты, где совершал сделки, и купил новенький «линкольн». Я был еще слишком молод, чтобы получить водительские права, поэтому оформил машину на мать. Ну и вот, я раскатывал в этой шикарной тачке и покупал себе такие вещи, о которых мои родители не могли и мечтать.

Я не принимал наркотиков, я был обычным дилером, а это давало мне власть над наркоманами. Я охотился за ними, как лев в джунглях. Я был силен, а они — слабаки. И мне никогда самому не приходилось прибегать к насилию, для этого у меня были наркоманы. Уму непостижимо, чтобы подросток обладал такой властью.

Мне казалось, что я все делаю правильно, хотя бы потому, что все деньги отдавал матери. Конечно же, она работала, но что это была за зарплата! Она не могла позволить себе почти ничего, если б не я, мои братья

и сестры ходили бы голые. Вы послушайте, что говорят мальчишкдилеры: «Дружище, я должен помогать матери». И это правда. Для меня это было достаточным основанием, чтобы заниматься таким бизнесом. Я улучшил материальное положение моей семьи, я заботился о ней. И ни один человек не убедит меня, что я занимаюсь чем-то предосудительным».

«За всю свою жизнь я по-настоящему работал всего два раза. Первый — скреб полы и мыл сортиры в аэропорту, второй — надраивал башмаки в том же сортире в том же аэропорту. Вот ты, приятель, знаешь, что это такое — просидеть целый день рядом с дерьмом? Когда в двух шагах от тебя кто-то кряхтит и тужится? От некоторых так воняет, чтошибает с ног даже через закрытую дверь. И ты деградируешь. Деградируешь.

Через какое-то время я бросил эту работу. А ты скажи мне, чего ради я должен был торчать целыми днями в сортире, когда на улице, на свежем воздухе можно заработать в десять раз больше? Я не говорю, что труд лишен смысла. Какое-никакое образование я все же получил — дошел до пятого класса, а дальше не потянул. Поэтому приличная работа для меня заказана.

А на улице никто не спрашивает, сколько классов я закончил. И никто не придирается к тому, в свежей ли я сорочке или нет. Мои клиенты лишь канючат: «Продай, продай, продай...»

«Когда меня арестовали, я была на седьмом месяце. Полицейский спросил: «Как же ты можешь продавать крэк, когда сама ждешь ребенка? На что будет похож твой ребенок?»

Я ответила ему, что не принимаю наркотиков. И не курю крэк. Я только продаю его. Я даже не курю марихуану, черт побери. Обычные сигареты, и все. Но полицейский все долбил насчет ребенка: «На кого он будет похож, на кого он будет похож?» Все старался убедить меня, что я плохая мать.

Какого черта, продавая наркотики, я ничем не врежу своему ребенку! Он пока ничего об этом не знает. Он же ведь еще даже и не родился».

«Распознать переодетого полицейского совсем нетрудно. Всякий образованный человек может. Вот всего несколько минут назад я заметил парня в черной рубашке — любому ясно, что это офицер полиции. Такой чистенький, аккуратный и вдобавок качок.

А знаете, как они могли бы нас дурачить? Тоже очень просто. Полиции пора перестать напускать на нас этих пышущих здоровьем дядек. Им всего-то и надо прислать парня, кото-

рый выглядел бы как настоящий наркоман. Это должно быть у него в глазах. Им надо найти таких ребят, которые убедили бы нас, дилеров, что ради дозы они готовы встать на колени и вылизывать асфальт. Если ты полицейский и хочешь приобрести товара на десять долларов, приходи в грязной одежде, если от тебя будет слегка вонять — тоже неплохо. Это же так просто».

«Меня три раза арестовывали за продажу крэка, это были самые поганные минуты в моей жизни, доложу я тебе. Ты только что продал товар переодетому полицейскому, и в следующую минуту на тебя наваливается вся команда. Надевают наручники, дают пинка в зад, ты падаешь мордой в грязь и довольно долго валяешься там. Вокруг собираются соседи и укоризненно глазят на тебя. Чувствуешь себя полным идиотом. Лежишь и думаешь: «И как я дошел до жизни такой?»

«Если ты дилер, у тебя полно телок, приятель. Я вижу на улице девочку, которая мне нравится, и для начала навожу справки, интересуется ли она моим товаром. Если да, делаю ей предложение. Я говорю ей: «Эй, крошка! Я укладываю тебя в постель, а взамен ты имеешь товар». Они соглашаются, дружище. Действительно, красивейшие женщины любого цвета кожи — они ложатся с тобой в постель за крошки товара.

Многие даже любят укладывать в койку отпетых наркоманок. Но не я. Я-то помню о СПИДе. К счастью, дома меня ждет красавица жена, и я вовсе не хочу заразить свою милую женушку».

НАРКОМАНЫ

«Вначале я продавал пи-си-пи, а потом все словно помешались на крэке и принялись вкладывать в этот наркотик деньги. Я тоже переключился на крэк. Я видел, как он действует на людей, за одну затяжку парень на месте пристрелил своего лучшего друга. Женщины продают себя кому угодно. Я бывал в таких домах, где на втором этаже заливается в голос трехмесячный малыш, а в спальне мамаша с каким-нибудь типом — все за крэк. В холодильнике ни крошки съестного — пачка пищевой соды и бутылка минеральной воды. И я сказал себе: «Это ужасно. Ребенку нечего есть. Не знаю, что будет дальше, но я ни за что не окажусь в такой ситуации».

Как-то раз мама и бабушка поехали к бакалейщику. Я состряпал себе крэк и подумал: «Всего лишь разок. Надо понять, почему они так балдеют. Разок, и все». Остудил смесь, забил в трубку и как следует затянулся. Я задержал дыхание секунд на тридцать.

И вдруг стал совершенно свобод-

ным, невероятное чувство! Я стоял у окна и приговаривал: «Боже праведный! Как хорошо-то! Но меня не провести, я не стану наркоманом!»

С этой первой затяжки все и началось. Крэк — самый худший наркотик в мире, ни к чему другому не бывает такой страшной привыкаемости. Он хуже героина и даже хуже пи-си-пи. Тяга к нему настолько непреодолима, что ты моментально теряешь все свои принципы. И лишаешься чувства собственного достоинства. Напрочь, словно его никогда и не было.

Я видел, как взрослые мужчины и женщины вопили в отчаянии: «Так больше жить нельзя, надо «завязывать»! Надо обратиться к врачам».

Но через пять минут кто-то стучал в дверь и показывал им пакетик с крэком. И все рыдания прекращались, и их уже больше ничего не интересовало, кроме затяжки».

«Помню, мне однажды крепко досталось — я потерял деньги дилера. Я тогда работал на улице, торговал, так сказать, из рук в руки, и вот тот парень, на которого я горбатился, подходит ко мне и дает кокаин. Он говорит: «Послушай, приятель, через два часа я вернусь. Если ты не заплатишь мне за товар деньги, я вышибу тебе мозги». То есть он как бы давал мне еще один шанс.

Но как только он ушел, я пустил кокаин на себя. Понимаете, я сидел все то время на крэке, а с ним шутить нельзя.

Я поехал к девчонке, которая мне давно нравилась. Ну вот, мы с ней и накурились. А после этого я потерял всякий интерес к сексу. Она все точно рассчитала, дала мне покурить первому, зная, что больше меня уже ничто не будет интересовать.

Короче, мы выкурили весь товар. Просто сидели, курили, и вдруг — бац, больше ничего не осталось. Денег у меня не было, я некоторое время прятался, старался не попасться ему на глаза, но они вычислили меня, когда я выходил из крэк-хауза. Восемь парней набросились на меня и принялись избивать прямо на улице.

А во всех окнах торчали соседи. Меня поволокли в переулок — я решил, что сейчас мне конец, тот парень в общем-то предупредил. Но они просто избили меня. Я валялся на асфальте, весь в крови, а они лупили меня и приговаривали, что убьют. Я не мог дождаться, когда они закончат, — мне срочно надо было найти наркотик, меня уже колотило, началась «ломка».

Когда наконец все кончилось, я поднялся и пошел в крэк-хауз. Люди там отнеслись ко мне с пониманием, один дал сигаретку с марихуаной, другой угостил героином. Не прошло и двух минут, как в руке очутилась трубка с крэком...»

«Через четыре или пять месяцев употребления крэка я уже и на человека-то не была похожа. Я страшно исхудала, глаза ввалились и налились кровью. Я превратилась в монстра. Мой парень доставал для меня крэк, у него всегда было сколько угодно крэка. Постепенно его отношение ко мне изменилось, он и его друзья били меня. На крэк-вечеринках они просто сходили с ума, часто устраивали мне «пятый угол». Потом срывали одежду, и все, кто были в квартире, по очереди насиловали меня. Мне было шестнадцать лет, а меня насиловали тридцати-сорокалетние мужчины. Но я даже не пыталась убежать. Я позволяла бить себя и насиловать, потому что мне был нужен крэк. Физически я все еще была жива, но душа моя давно совершила самоубийство».

ПРОСТО ЧЕЛОВЕК

«Когда я впервые оказался в наркотическом притоне, я не мог поверить своим глазам. Это было полуподвальное помещение, там стояла такая вонь! Голый цементный пол, засыпанный битым стеклом, повсюду валялись использованные иглы. До тех пор, пока я не увидел все это собственными глазами, я даже не подозревал, что в Соединенных Штатах люди могут жить в таком скотстве и убожестве.

В гостиной, на софе, сидели три жалких существа — видимо, они только что начали «сеанс»: расширенные зрачки, остекленевший взгляд. Они раскачивались, как китайские болванчики, короче, «торчали» на весь доллар. Я попытался заговорить с одним из них, когда откуда-то сзади ко мне подбежал трехлетний мальчишка и принялся колотить меня по ногам. «Не трогай иголки, не трогай иголки!» — приговаривал малыш и показывал на засыпанный гадостью пол.

Это было ужасно! Вместо того чтобы учить азбуке, мать прежде всего научила его не играть с иглами от шприцев — от них можно заразиться СПИДом. Пожалуй, это самое сильное воспоминание тех лет. Обычно, когда человек видит неухоженного малыша, он пытается приласкать его, потрепать по голове — я же, когда он дотрагивался до меня, чувствовал омерзение. На груди у него были фурункулы, гнилые зубы, из носа лило. За всю свою жизнь он, наверное, ни разу не видел ванной.

Потом пришел полицейский и проводил меня к машине. Первое, что я сделал, приехав домой, — извел на мытье два куса мыла, а потом облился одеколоном».

Перевел с английского
С. НАСТАЛЬСКИЙ

ЖИЗНЬ В МЕЧТАХ ОПАСНА

Сьюзен ЯКОБИ,
американская журналистка

Прошло уже шесть лет после колледжа, а Лесли все еще работает репортером «на подхвате» в программе новостей крупной национальной телекомпании. Она мечтает стать ведущей телешоу и потому отвергла предложения более серьезной работы, но в мелких компаниях: «Я знаю, что если продержусь достаточно долго, то дождусь своего шанса». Лесли обманывает себя. Во-первых, она на двадцать пять килограммов тяжелее нормы — это не пустяк для тех, кто хочет появляться перед телекамерой. Во-вторых, она затормозилась в профессиональном развитии, потому что отказывается выполнять «непрестижную» работу, а ведь и она дает определенный опыт и создает репутацию. «Это просто глупость, — говорит ее коллега. — Лесли очень толковая девушка, но когда речь заходит о ней самой, разум ей отказывает. Она думает, что произойдет чудо и она превратится в Опру Уинфри¹. Когда ей предлагают сесть на диету, она говорит: «Лишний вес не помешал Опре». Но Опра начала с местного телевидения и не брезговала никакой работой».

Рациональному человеку кажется нелепым, что молодая женщина отказывается от полезных для карьеры предложений, так как ждет, что ее, по мановению волшебной палочки, пригласят вести собственное телешоу. Лесли же это кажется вполне нормальным, и она злится, если кто-то говорит ей обратное.

Так в чем же разница между несбыточной мечтой и мечтой исполнимой? Несбыточная мечта обычно зиждется на ком-то или чем-то вне вас: большой шанс, который обрушился словно гром среди ясного неба. Но такие шансы выпадают только тем, кто работает как проклятый, чтобы подготовиться к встрече с удачей.

«Однажды мой шанс придет...»

Тот же «принцип несбыточности» применим и к более обыденным мечтам, таким, например, как встреча с «прекрасным принцем». Девушка, забросившая свою жизнь ради мечты о том, как счастлива она будет, когда придет тот самый мужчина, ничем не отличается от девушки, мечтающей стать, к примеру, актрисой, но ничего для этого не делающей. Пассивность в достижении своей мечты — это тоже самообман, который мешает строить нормальную жизнь. И обманывать себя можно по любому поводу — например, можно совершенно безосновательно ждать, что на вас свалится куча денег или что невнимательный и не любящий вас человек вдруг вспыхнет к вам нежной страстью. Склонные к беспочвенным

иллюзиям люди всегда ждут, что кто-то другой напишет для них сценарий их жизни. И общаться с такими людьми ужасно трудно, порой их просто хочется встряхнуть и вбить в них немного здравого смысла.

У 35-летнего Билла, художника, есть чрезвычайно богатая бабушка. И Билл живет в уверенности, что бабушка вот-вот оставит ему наследство (между тем у бабули отличное здоровье, она из тех женщин, кто успешно доживет до ста лет). Билл очень талантливый график и портретист, однако ютится в убогой квартирке и отказывается от заказов рекламных агентств — работы, которая позволила бы переехать куда-нибудь получше, где нет мышей и тараканов. Когда Билл попадает в очередной финансовый тупик, он просит бабушку о помощи и полностью уверен, что рано или поздно станет владельцем всего состояния. Слушать его довольно странно: трудно представить, что взрослый мужчина в конце двадцатого века строит свою жизнь на старомодном представлении о наследстве.

«Я не собираюсь изменять своим артистическим принципам, рисуя рекламу для всякой чепухи, — говорит Билл. — Представьте себе, мне предложили 2500 долларов за рекламу пирожных, но проблемы с деньгами не вечны, а я хочу остаться честным перед самим собой». Однако он не считает странным, что для него «остаться честным перед собой» означает ожидание чьей-то смерти.

Хотя такие заблуждения, связанные с пассивностью в достижении своей мечты, обычно фиксируются на определенном объекте — например, наследстве, — специалисты считают, что подобным образом люди прежде всего оправдывают свое пассивное отношение к жизни. У таких людей всегда есть объяснение, почему они не движутся вперед, не рискуют, не работают ради определенной цели. Поэтому очень трудно оспаривать такие заблуждения, они нужны человеку, ибо за ними скрывается что-то другое, например, боязнь успеха или поражения.

Джон, «помощник помощника» пресс-секретаря сенатора США, последние три года отвергает все предложения лучшей работы, так как он уверен, что унаследует место своего шефа, когда тот получит повышение. Однако шефу всего 32 года, и он не выказывал желания покинуть свой пост, да и повышение вряд ли возможно, так как непосредственный начальник шефа тоже еще молод. Но эти соображения не могут поколебать взглядов Джона на свое будущее: ожидание того, что кто-то уйдет и освободит дорогу, — очень распространенное заблуждение. Некоторые по пять-десять лет ждут, пока освободится «нужное место». Но когда оно наконец-то оказывается свободным, ру-

ководство, как правило, назначает кого-то другого, кто не сидел и мечтал, а работал.

Блуждания без карты

Человек, тешащий себя иллюзиями, обычно видит перед собой только свою мечту, но не знает реальных способов ее достижения. Это очень напоминает блуждания в глухом лесу без карты.

Люди, не имеющие четкого плана, часто фиксируют свое внимание на символах, а не на реальных шагах. В Нью-Йорке полным-полно девушек, живущих классической мечтой стать актрисой. И некоторые думают, что они уже на пути к вершине, так как работают официантками: они видели, как в кинофильмах удача порой приходит сама собой и официантки становятся звездами. Но между мечтой и реальностью не будет никакой связи, пока эти девушки не начнут готовиться к своей работе, брать уроки, ходить на прослушивания, пусть и проваливаясь поначалу.

Марлена в 35 лет исполнила свое желание стать матерью-одиночкой. Она всегда воображала себя матерью и потому решила забеременеть, даже не обсудив это со своим другом. «Она все говорила о таких матерях-одиночках, как Джессика Ланж, — говорит ее бывший друг. — А на тот факт, что Джессика Ланж — богатая кинозвезда, а отец ее ребенка — Михаил Барышников, Марлена внимания не обращала. Ведь ни одна из этих знаменитых матерей-одиночек, о которых пишут популярные журналы, не пыталась воспитать ребенка на жалованье учительницы».

Марлена очень любит свою дочь, однако ее жизнь во многих других отношениях изменилась к худшему. Ее друг, рассерженный тем, что его сделали отцом без его согласия, переехал на другой конец страны. Ей пришлось искать более дорогую квартиру, так как прежняя была слишком тесной, чтобы воспитывать в ней ребенка. Марлена недостаточно богата, чтобы нанять няню, поэтому отдала дочь в частные ясли, а мать Марлены отказалась бросить свою работу, чтобы заниматься внучкой. «Очевидно, я не все продумала, — говорит Марлена. — Я убедила себя, что мой друг обязательно поможет мне, и теперь вижу — зря. Я только представляла себя с прекрасным ребенком на руках, а сейчас не могу дать дочери всего, что она заслуживает. Я знаю, что при других обстоятельствах могла бы быть чудесной матерью, но моя ситуация ужасна. Самое худшее то, что мне некого винить, кроме себя».

¹ Опра Уинфри — ведущая известного телешоу.

«Если я наберусь терпения...»

Да, Марлена понимает, что могла бы продумать все лучше, однако многие тешат себя иллюзиями, совершенно несоизмеримыми с их способностями.

Эл, бывший президент небольшой компьютерной компании, — классический пример такого типа людей. Год назад Эл продал свою фирму и основал компанию по дизайну спортивной одежды. Проблема не в том, что он захотел принять участие в этом бизнесе, а в том, что он жаждет сам моделировать одежду, хотя он — дальтоник, путающий цвета. «Это правда, что я даже в школе не умел рисовать, — радостно объявляет он, — но у меня есть прекрасные идеи и великолепное чувство стиля, так что я нанимаю художников, чтобы они претворяли мои замыслы в жизнь. Это довольно необычно, но я абсолютно уверен, что у меня получится».

Энтузиазм Эла так заразителен, что вы уже почти на его стороне — пока не услышите его яростных споров с дизайнерами по поводу идей, которые просто невозможно претворить. Один из художников просто сбежал в никуда после безуспешных попыток объяснить, что юбки можно плиссировать только в одну сторону... Между тем сбережения Эла тают, и бывшие коллеги и друзья не могут понять, почему такой прежде преуспевающий бизнесмен упорно занимается делом, которое ему совершенно не подходит.

Во многих отношениях Эл является прямой противоположностью пассивным мечтателям: последние ждут, чтобы кто-то исполнил их мечты, а «активисты» верят, что они достигнут всего, чего пожелают. И чем больше трудностей встречают на пути, тем более уверены в правильности своего выбора и в глупости любой критики.

Еще одна распространенная причина, по которой люди попадают в сети иллюзий, — когда на самом деле они стремятся к чужим мечтам. Они, например, следуют сценарию, «написанному» родителями, или стремятся к образцам, созданным средствами массовой информации.

Карьеру профессиональной певицы выбрала для Луизы ее мать. Девочка действительно любила петь, побеждала на конкурсах юных талантов, и они с мамой решили сделать на это ставку. Луиза прошла по конкурсу в очень престижную нью-йоркскую музыкальную школу Джульярд. Однако, как это часто случается, ей хватило способностей, чтобы попасть в эту школу, но их оказалось недостаточно, чтобы выступать на сцене. И хотя учителя говорили ей, что она вряд ли преуспеет в концертной деятельности, Луиза им не верила. «Я проваливалась на прослушиваниях и чувствовала себя все хуже и хуже. Однако мне и в голову не приходило прекратить попытки, потому что мама все твердила, что не стоит сдаваться. Я и сама считала, что нахожусь на правильном пути». Луиза начала переосмысливать мечту, когда познакомилась с человеком, только что резко поменявшим профессию (уйдя из

медицины, он пришел в шоу-бизнес, несмотря на яростное сопротивление со стороны его отца-доктора). «Он задавал мне вопросы вроде: «Ты действительно веришь, что можешь быть счастлива, только став певицей? Не будет ли лучше преуспеть в чем-то другом, чем быть неудавшейся артисткой?» Я бы сама никогда не посмела задавать себе такие вопросы».

Два года назад Луиза прекратила заниматься пением и применила свои знания шоу-бизнеса в качестве консультанта по рекламе. Сегодня ее высоко ценят в фирме, которая устраивает мировые гастроли.

«Потребовалось много времени, чтобы я поняла, что победительница молодежного конкурса штата Небраска совсем не обязательно станет выступать на Бродвее или в Карнеги-холл, — говорит она. — Еще пять лет назад я считала, что без пения жизнь для меня не имеет смысла».

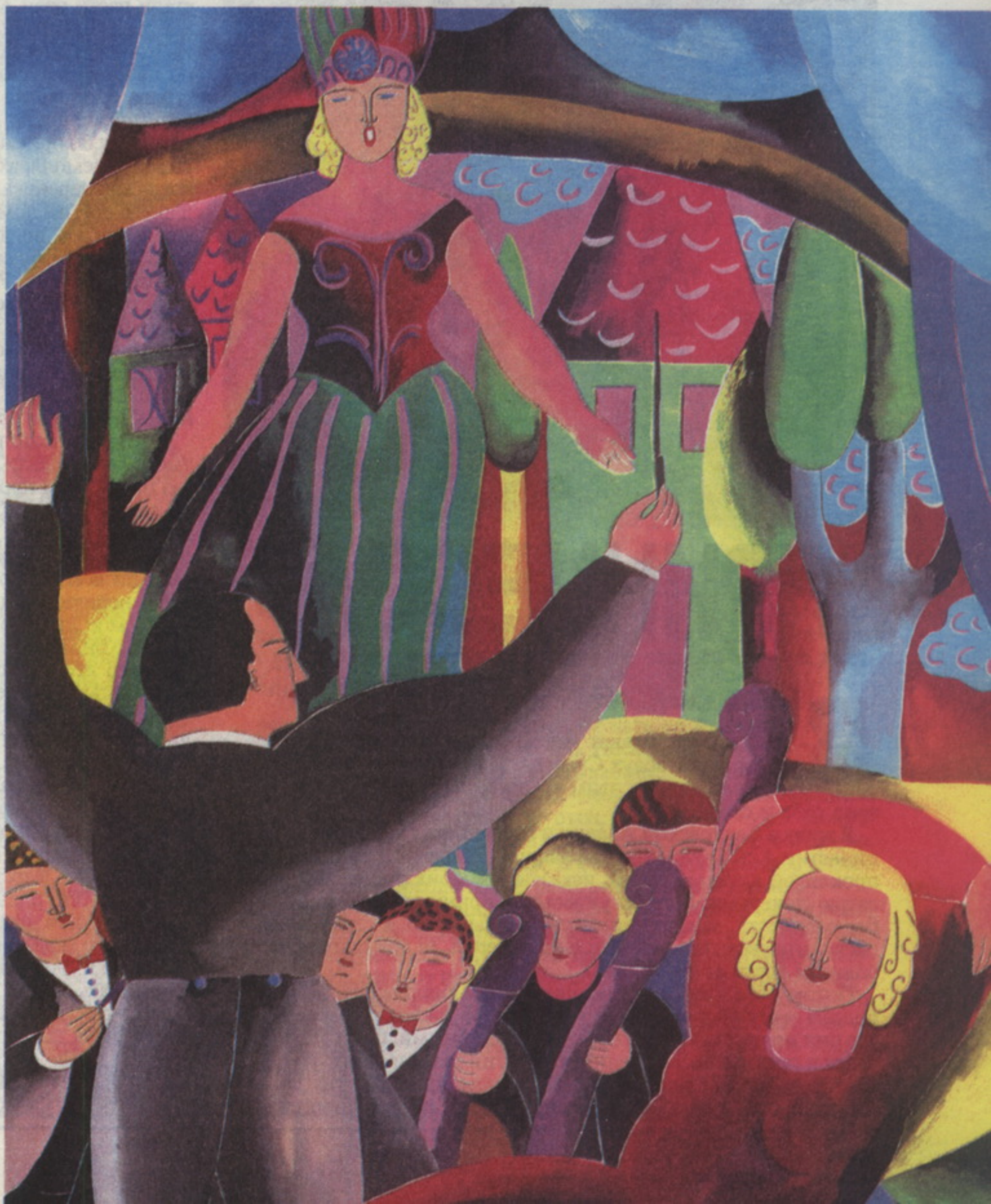
Луизе трудно было представить собственную жизнь без этой большой иллюзии.

И такие трудности типичны для людей, которые вложили годы и массу энергии в несбыточную мечту.

Человек может понимать, что мечта не сбывается, но он уже не может сдаться, так как не в состоянии найти равноценную замену своей мечте. Люди боятся, что, отбросив иллюзию, они потеряют стимул в жизни. Но каждый, кому удалось избавиться от иллюзии, говорит, что у него появилось острейшее чувство освобождения и новые возможности.

Те, кто расстались с иллюзиями, имеют настоящий шанс преуспеть в чем-то новом. Когда человек упорно цепляется за «не ту» мечту, его преследует чувство поражения, и вместо того чтобы забыть об этой мечте, он забывает о себе. А если отбросить иллюзии и заменить их вполне достижимой целью, то результат будет как раз противоположным: расставшись с фальшивой мечтой, вы возрождаете веру в себя.

Перевел с английского
А. ЖУКОВЕЦ

ПРИНЦЕССА

СУЛТАНА,
принцесса Саудовской Аравии

В стране, где правят монархи, я — принцесса. Допустим, меня зовут Султана. Я не могу открыть свое настоящее имя: этим я принесла бы непоправимый вред себе и своей семье.

Я живу в Саудовской Аравии и принадлежу к королевской династии Аль Сауда, ныне правящей в стране. Я родилась в проклятой аллахом семье, наказавшей моих родителей десятью дочерьми. Мама с ужасом воспринимала очередную беременность, каждый раз молясь о сыне, но, к страшному гневу отца, всегда рожала только дочерей. За время их брака родился всего один мальчик.

Потом отец взял себе еще одну жену, молодую, чтобы она родила ему сыновей. Новая жена родила трех мальчиков, но все они появились на свет мертворожденными. Отец разгневался и прогнал ее. Он женился в третий раз — и опять неудачно. Четвертый брак увенчался успехом, принеся отцу долгожданных сыновей, но мой старший брат, как первенец, счи-

тался главным среди них. Я делала вид, что почитаю брата, как требует того обычай, хотя на самом деле я его ненавидела.

Брат же, конечно, относился ко мне с полным равнодушием и потому не мог заметить моей ненависти: я для него попросту не существовала. Каждый мальчик с детства приучается к мысли, что женщины предназначены только для того, чтобы служить мужчинам. Когда он вырастает, то уже никогда не сможет завести дружеских отношений ни с одной из них. Привыкший быть хозяином, мужчина ищет в женщине не друга и партнера, но всего лишь рабыню.

Установив такой порядок, мужчины и себя лишили семейного счастья. Разве оно возможно, когда в семье нет ни любви, ни взаимопонимания, но лишь отношения хозяина и слуги?

Рождение каждого сына регистрируется в специальных документах, рождение же дочерей не регистрируется нигде. Эмоции, которые испытывают родители при рождении девочки, — или разочарование, или стыд. Мы, женщины, словно призраки, проходим по жизни, не оставив после себя следа. Именно это ощущение — а не все те унижения, через которые мне пришлось пройти, — заставило меня подвергнуть свою жизнь огромному риску, рассказав вам историю моего детства.

Большую часть детства я провела в разъездах, кочуя по стране из города в город. Кровь бедуинов-кочевников до сих пор течет в наших жилах: едва мы возвращаемся из одного путешествия, как уже планируем новое. Хотя мы давно перестали пасти овец, мы не можем не искать новые пастбища.

Когда мне исполнилось двенадцать лет, отец женился в четвертый раз, для каждой семьи в разных городах он построил по дворцу. Все дворцы строились по одному проекту, в них стояла одинаковая мебель, даже ковры были одинаковыми. Отцу нравилось жить пусть даже в разных городах, но в доме, к которому он привык. Маме было приказано все покупать в четырех экземплярах, вплоть до детского белья. Всякий раз, когда мы переезжали, нам не приходилось укладывать чемоданы: в другом доме имелись абсолютно те же самые вещи. В моей детской во дворце в Таифе или во дворце в Джидде точно такая же одежда висела в точно таких же шкафах, как и в детской дворца в Рияде. Все мои книжки и игрушки покупались тоже в четырех экземплярах.

Мама редко жаловалась, но когда отец купил четыре одинаковых красных «порше» для моего брата Али — ему тогда было всего четырнадцать, — она осмелилась сказать, что отец слишком балует сына. Отец разозлился: ради Али он не скупился на любые траты.

Когда Али исполнилось десять лет, отец подарил ему золотые часы «Ролекс». Я страшно расстроилась, потому что как раз перед этим просила отца купить мне золотой браслет, но он грубо отказал. Однажды я заметила, что Али забыл «Ролекс» на столике у бассейна, взяла камень и разбила часы. К счастью, о моем преступлении никто не узнал, зато отец отругал Али за его небрежное отношение к своим вещам. Правда, через неделю отец подарил ему новый «Ролекс».

Все мое детство прошло в попытках добиться симпатии отца, но он меня не замечал. Тогда я стала искать любого внимания с его стороны — пусть даже в форме наказания. Я рассчитывала так: если отец будет видеть меня чаще, когда-нибудь он полюбит меня, как Али. Но мои старания привели лишь к тому, что его равнодушие ко мне сменилось открытой неприязнью.

После долгой болезни мама умерла, когда мне было четырнадцать лет. Четыре месяца спустя после ее похорон я присутствовала на пышной свадьбе отца. Невеста, как и я, была из королевского рода, я ее очень хорошо знала, так как раньше мы часто играли вместе. Невеста моего отца Ранда была всего лишь на год старше меня!

Я возненавидела бывшую подругу за то, что теперь она заняла место моей умершей мамы, о которой отец тут же забыл. Но когда я увидела, как он ведет ее в спальню, моя ненависть испарилась. Ранда вся дрожала от страха. Ее отчаяние вызвало сочувствие. Мне стало стыдно за прежнюю злость: ведь Ранда была такой же, как и все мы, беспомощной.

Сразу после свадьбы они уехали в Париж, потом в Монте-Карло. Я с нетерпением ждала возвращения Ранды. Я решила склонить ее к сопротивлению и тем самым отомстить отцу за

его равнодушие к памяти мамы.

Когда они вернулись во дворец, на Ранду, как на жену, легли обязанности главной женщины в доме. Хотя ей было всего пятнадцать, теперь в ее подчинении оказались все мои взрослые сестры. Создалась очень странная ситуация, но так требовал обычай.

Из свадебного путешествия Ранда вернулась разбитым, жалким существом, она почти не разговаривала, никогда не улыбалась, медленно ходила по дворцу, словно боялась что-нибудь случайно задеть. Но отец очень радовался новому приобретению и подолгу исчезал с Рандой на своей половине дворца.

Я заметила, что пока отца нет, Ранда все время смотрит на часы. Потом я узнала, что он приказал ей до его возвращения домой отобедать, принять душ и ждать в спальне. Обычно отец приезжал в час дня, обедал и сразу шел к Ранде. В пять он снова уезжал в офис (в Саудовской Аравии рабочий день разбит на две части: с 9 до 13 и с 17 до 20 часов), а когда вечером возвращался, процедура повторялась.

У меня были две подруги, Вафа и Надия, чья смелость пугала даже меня. Тогда я не подозревала, чем обернется моя идея организовать тайный клуб девчонок. Мы назвали его «Клуб болтливых языков»: нашей целью было подбодрить себя смелыми разговорами и хоть на миг почувствовать свободу.

Мои подруги не принадлежали к королевской династии, но были из богатых семей Рияда. Отец Надии, владелец крупной строительной компании, обещал дочери, что не выдаст ее замуж, пока ей не исполнится двадцать один год. Надия заявила мне, что хочет пожить в свое удовольствие, пока ее не отдали в жены какому-нибудь старику.

Отец Вафы, высокий религиозный сановник, запретил жене и дочери покидать пределы дома, но Вафа удирала тайком, мама же покрывала ее и на вопросы мужа, где дочь, отвечала, что спит или изучает Коран.

Никогда не забуду происшествия, случившегося с нами в подземном гараже рядом с базарной площадью, которую иностранцы называют «вжик-вжик», потому что там по пятницам (у нас это святой день) преступникам всенародно отрубают головы или руки.

Все началось с того, что я попыталась скрыть от отца, что у меня начались первые месячные: раз я стала женщиной, теперь я обязана носить паранджу, чего мне очень не хотелось. Но моя старшая сестра Нура потребовала, чтобы я немедленно оделась так, как того требует обычай, иначе мне грозил большие неприятности.

На рынок мы отправились вместе — Вафа, Надия, Ранда и я. Наш шофер Омар привез всех на рыночную площадь. Мы договорились, что через два часа он будет ждать на этом же месте и отвезет назад домой. Хотя прежде Омар всегда сопровождал меня и Ранду во время покупок, в этот раз у него было какое-то поручение отца и под ответственность Ранды он оставил нас одних.

За час мы сделали все покупки. Я покидала площадь другим человеком — существо без лица, вся в черном с головы до пят. Признаюсь, в первый момент мне это даже понравилось. Я с любопытством наблюдала за реакцией смотревших на меня мальчишек. Я казалась себе таинственной и красивой. Я знала, что они мечтают, чтобы порыв ветра задрал черную ткань, обнажив мое лицо.

Но это чувство исчезло, едва мы вышли из-под прохладного купола на жаркое солнце. Мне не хватало воздуха, черная ткань прилипла к лицу. Хотя я купила паранджу самой тонкой выделки, какая только была, все равно это было невыносимо. Я недоумевала, как другие женщины ходят в парандже из грубой ткани? Небо перестало быть голубым, мое сердце упало в пятки, когда до меня дошло, какой теперь станет моя жизнь.

На место встречи с Омаром мы пришли почти на час раньше назначенного времени. Тогда Надия и Вафа спросили нас, не хотим ли мы немного развлечься? Я, не задумываясь, сказала «да». Ранда нерешительно переминалась с ноги на ногу, напряженно глядя на дорогу. Я убедила ее, что ничего страшного не случится, если мы согласимся на предложение подруг. Надия и Вафа заговорщицки переглянулись и повели нас в подземный гараж под одним из небоскребов неподалеку.

Там Вафа и Надия подошли к очень красивому иностранцу, ждавшему у дверей лифта, и спросили его, хочет ли он получить удовольствие. Иностранец явно испугался, с опаской посмотрел по сторонам, но, не увидев никого вокруг, осторожно спросил, что они имеют в виду. Вафа дала понять, что речь идет о сексе у него на квартире, но с одним условием, что об этом никто не должен знать.

Услышав такое, мы с Рандой смертельно испугались и бросились наутек. Вступить в интимные отношения с иностранцем! Ведь за такое могут публично казнить, забросав камнями. Ведь это же самоубийство!

Вафа и Надия вышли из гаража, хихикая. В ответ на наши упреки они лишь пожалы плечами: лучше уж смерть, чем брак со стариком. Им терять нечего, сказали они.

Ранда долго не могла прийти в себя от ужаса. Она боялась мести мужа за то, что она присутствовала при подобном разговоре. Увидев ее, Омар сразу почувствовал неладное и спросил, почему мы задержались. Ранда, запинаясь, начала что-то объяснять, но я оборвала ее, сказав, что мы видели, как какой-то мальчишка стащил ожерелье, но его поймали, жестоко избили и поволокли в тюрьму. Теперь ему, конечно, отрубят руку. Поэтому мы так расстроились. Омар поверил. Ранда просунула ладонь под мои черные одеяния и с благодарностью пожала мне руку.

Позже Надия и Вафа рассказали мне о своих похождениях. В условленное время и место подъезжал закрытый фургон, девушки убеждались, что никто их не видит, быстро в него залезали, и фургон вез их на квартиру иностранца.

Почему именно иностранец? Любой мужчина лучше саудовского мужчины, считали подруги. Необходимость закрытого фургона тоже легко объяснить. В Саудовской Аравии мужчине и женщине запрещено находиться в одном автомобиле, если они не являются близкими родственниками. Подозрительный автомобиль могут остановить и потребовать у находящихся в нем мужчин и женщин документы, подтверждающие их близкое родство. Нарушивших запрет ждет тюремное наказание. С подобной проверкой могут войти и в любой дом.

Я поинтересовалась, насколько интимными были контакты подруг с иностранцами, и с ужасом услышала, что мужчинам позволялось все, кроме «проникновения внутрь». Ведь Вафе и Надие еще предстояло выйти замуж, и, если бы в первую брачную ночь муж обнаружил, что взял в жены не девственницу, он отослал бы ее назад к родителям. Они же вправе убить опозоренную дочь.

Обсуждая поведение подруг, Ранда и я часто плакали. Хотя мы понимали, что они поступают так из-за отчаяния, но мы боялись, что рано или поздно Вафа и Надия попадутся. И действительно, очень скоро о них стало известно Комитету общественной морали. Три месяца наши подруги провели в тюрьме, после чего их вернули отцам для совершения родительского суда над ними.

Как ни странно, отец Вафы, столь преданный религиозным обычаям человек, не только не лишил дочь жизни, но, напротив, долго разговаривал с ней, стараясь понять причины ее безрассудного поведения. Чтобы избавить дочь от дальнейших соблазнов, он тут же выдал ее замуж за старика бедуина, живущего в далекой деревне.

Отец Надии поступил куда более жестоко. Он не стал разговаривать с дочерью, приказал держать ее взаперти, пока не примет решения о ее наказании. Несколько дней спустя мой отец позвал меня и Ранду к себе в кабинет. Он сказал, что нашу подругу Надию завтра в десять часов утра утопят в домашнем бассейне. Казнь исполнит ее отец, и вся семья будет присутствовать на казни. Потом он посмотрел Ранде в глаза и сказал: «Я прогоняю тебя. Через час за тобой приедет шофер твоего отца. Тебе запрещается встречаться с моими детьми».

Ни с кем не попрощавшись, через час Ранда навсегда покинула наш дом. С тех пор я ее никогда больше не видела.

На следующее утро, в десять часов, я сидела на балконе и думала о Надие: вот на нее надевают тяжелые цепи, на голову — черный балахон, отец бросает ее в голубую воду бассейна... Но ее смех все еще звучал в моей комнате. Я посмотрела на часы — десять часов десять минут. Я уже знала, что Надии больше нет...

Перевел с английского В. СИМОНОВ

КАК ПРИДУМАТЬ И ПРОДАТЬ

Минда ЦЕТЛИН,
американская журналистка

Барбара Дейл всю жизнь сама делала поздравительные открытки для друзей — просто брала лист плотной бумаги для пишущей машинки, складывала его пополам и на одной стороне рисовала какую-нибудь забавную картинку. Как-то раз она показала свои открытки владельцу небольшого магазина сувениров: вдруг он сможет какие-нибудь из них продать?

Открытки «пошли». Следующий шаг Барбары: она отнесла свои работы в киоск, который был расположен в местном музее и торговал художественными плакатами, книгами по искусству и путеводителями. И здесь эти ручной работы открытки пришлись по вкусу.

Через какое-то время работы Дейл привлекли внимание компании, специализирующейся на производстве полиграфической продукции из макулатуры. И теперь Дейл — владелица собственной небольшой компании, дочернего предприятия «макулатурщиков», и открытки ее, уже размноженные типографским способом, продаются по всей Америке.

Эта история — не сказка о том, как чистильщик ботинок стал миллионером. Это история обыкновенного человека, такого же, как мы все, но сумевшего применить свои способности в деле. Сколько же нас, умеющих делать что-то порой простое и незатейливое и даже не предполагающих, что это может превратиться из приятного времяпрепровождения в отличное подспорье, мало того — в основу будущего капитала.

Вот несколько простых правил для тех, кто хотел бы запустить в производство собственный продукт.

1. Сначала проведите самостоятельное исследование рынка, чтобы убедиться в том, что рынок действительно нуждается в вашем продукте и что то, что вы предлагаете, — действительно нечто новое. (Потому что, если вы даже не видели этого в местных магазинах, это не значит, что подобный продукт не продается где-нибудь еще.) Спросите управляющих магазинами на предмет инте-

реса к предлагаемому вами продукту, внимательно просмотрите каталоги и специализированные издания, относящиеся к данной отрасли производства.

2. Сделайте, если это возможно, собственный образец товара, чтобы легче было его потом предлагать. Если это нечто, требующее участия какого-либо предприятия, предоставьте чертежи, проекты, рисунки. И вот что обязательно:

прежде чем показывать свой образец владельцу или управляющему каким-либо производством, подпишите с ним соглашение о неразглашении тайны предлагаемого вами товара и о невозможности воспользоваться им без вашего ведома, потому что с Биллом Сейлелом из Калифорнии случилась следующая история. Он придумал портативный «гимнастический зал» для кошек, чтобы любимцы семьи не драли когтями мебель, не лазали по шторам, а могли удовлетворять свои звериные инстинкты без всякого ущерба для хозяев. Компания, которой он предложил свое изобретение, поначалу заинтересовалась, но потом отклонила предложение. И каково же было удивление Билла, когда через пару лет он увидел свой «кошачий рай» в витрине местного зоомагазина! Как выяснилось, его производила та самая отклонившая предложение Билла компания. Но поскольку они с самого начала подписали с ним соглашение о неиспользовании и неразглашении, Биллу удалось получить через суд возмещение ущерба — 130 тысяч долларов.

3. Защитите свою идею. Если уж вы решили продавать свою продукцию, сделайте все возможное для законной ее защиты. Если ваша продукция новая и технически сложная, лучше всего получить на нее патент, но это довольно трудный, длительный и дорогой процесс. Вместо этого вы можете получить авторские права на инструкцию по использованию вашего продукта, а также зарегистрировать торговую марку, название и фирменное написание этого названия — но сначала убедитесь в том, что это название и написание оригинальны, что ими до вас никто не пользовался.

4. Вам все-таки придется вложить небольшую сумму в создание опытных образцов: лучший способ заинтересовать возможных производителей — это предъявить им действующие образцы товара. Тогда они, возможно, сами захотят вложить деньги в вас. Лучший способ представления товара — участие в различных выставках и ярмарках, там собираются «заинтересованные лица» — те, кто может в будущем стать вашими спонсорами.

5. И последнее: увы, без вложения каких-то денег больших денег не получишь. Так что, если вы при помощи данных выше рекомендаций уже убедились, что ваш товар нужен потребителю, — не бойтесь зарегистрировать свое предприятие и получить ссуду в банке. Конечно, вам придется убедить банк в целесообразности выдачи вам ссуды — но ведь ваш товар того стоит!

Перевела
с английского Н. РУДНИЦКАЯ

NEW WAVE [as a style]. («Нью уэйв» — муз. стиль). «Новая волна».

Совершенно бессмысленный термин, с помощью которого муз. критики и по сей день пытаются описать музыку, которая пришла на смену панк-року в конце 70-х гг. По сути дела, «новая волна» — отголоски которой можно найти и в сегодняшней музыке — представляет собой обычный поп, положенный на «сумасшедшие» ритмы панка; желательнее, чтобы при этом текстовая составляющая была выдержана в режиме «отрицания очевидного» — не обижайтесь, глубокоуважаемые поклонники панк-рока, но это и есть суть вашей музыки.

Наиболее характерные представители: «Cars», «Blondie», а также группы, «вынырнувшие» после 1976 г., которые в общественном понимании не укладываются в категорию «панк-рок», например, «Talking Heads» и «Pere Ubu» (последнюю можно рассматривать и как сольный проект). Если же абстрагироваться от сегодняшнего мейнстрима, то «нью уэйв» — скорее всего группы — одетые в нечто цивильное, в отличие от «военного клоуза» металлистов и «дэнди-наворотов» «ботаников».

«NEW YORK DOLLS» («Нью-Йорк доллз»), группа «Кукол» из Нью-Йорка образовалась в 1971 г. в США.

Исходный состав: Джонни Тандерс (настоящее имя Джон Гензале), гит.; Артур Кейн, бас; Билли Мерша, уд.; Рик Риветс, гит.; Дэвид Йохансен, вок.

Возникновение «Н.-И. д.» не только совпало с расцветом глиттер-рока, но и до определенной степени предвосхитило рождение панка, спустя пять лет потрясшего Америку. Однако в конце 1971 г. этого еще никто не понимал, и стиль «Н.-И. д.» определили как «новый нью-йоркский гитарный рок».

Все музыканты, входившие в состав «Н.-И. д.», — уроженцы «Большого Яблока» и, прежде чем встретиться, работали в самых разных группах, в частности в довольно популярной «Actress». Осенью 1971 г. Тандерс, Риветс, Кейн и Мерша начали совместные репетиции — через объявление в газете им удалось найти подходящего вокалиста Йохансена. Практически сразу же произошла смена ритм-гитариста — после появления в составе С. Силвейна группа подписала контракт на выступления в манхаттанском центре искусств «Merсер», где открывала концерты небезызвестных «Eric Emerson's Magic Tramps». В муз. стилистике «Н.-И. д.» ощущалось заметное влияние «Rolling Stones», «MC5», «The Stooges» и, отчасти, «Velvet Underground», однако следует заметить, что музыканты «Н.-И. д.» сознательно добивались эффекта «любительской группы». Вскоре американская ветвь глиттер-рока ассоциировалась исключительно с «Н.-И. д.» и, конечно же, Элисом Купером. Сразу же сформировался и имидж группы, на который удачно работали живописное рванье и аляповатый грим. Но, несмотря на, казалось бы, полную отрешенность от всего земного, «Н.-И. д.» пели о совершенно обыденных вещах — в результате подобного несоответствия имиджа и «наполнения» фирмы грамзаписи предпочитали держать группу на дистанции.

Во время первого турне по Великобритании умер Мерша (6 ноября 1972 г.) — следствие зафиксировало смерть, вызванную «чудовищной дозой алкоголя в смеси с транквилизаторами». В качестве замены был приглашен Джерри Нолэн, и с его участием группа записала дебютный альб. (продюсер Тодд Рандгрэн). Несмотря на положительную реакцию критики, эта пл. (так же как и следующая, которую продюсировал Джордж Мортон) потерпела финансовый крах: публика еще не была готова к столь «странным» саунду и имиджу. Лишившись контракта с фирмой звукозаписи (Mercury), «Н.-И. д.» обратились за помощью к Малколму Макларену (позже вошедшему в состав «Sex Pistols»), который предложил группе выступать... под флагом СССР. Эта затея также провалилась, Нолэн и Тандерс покинули группу, а Йохансен и Силвейн, регулярно пополняя состав сешнменами, продолжали гастролировать до 1977 г. под названием «Н.-И. д.».

Тандерс и Нолэн собрали группу «Heartbreakers», а спустя некоторое время Тандерс и Уэйн Креймер (экс-«MC5») организовали проект под названием «Gang War» (в 1978 г. Тандерс и Нолэн выступали вместе с «Sex Pistols»). Йохансен довольно

удачно дебютировал соло в 1978 г.; Силвейн также начал сольную карьеру (1979) — он записал два альб., однако в середине 70-х настоял на операции по изменению пола и ушел (ушла?) из рок-музыки.

Пл.: The New York Dolls, 1973; Too Much Too Soon, 1974; Lipstick Killers, 1981 (студийная запись 1972 г.); Personality Crisis, 1982 (maxi-сингл); Red Patent Leather (запись концерта 1975 г.), 1984; Best Of The New York Dolls, 1985 (сборник); After The Storm, 1985 (с «Sex Pistols»), 1985; Night Of The Living Dolls (сборник), 1986; Tokyo Dolls Live!, 1986 (запись концерта 1976 г.).

Изменения состава: 1972 — Риветс, — Мерша, + Силвейн, гит., + Джерри Нолэн, уд.

«NICE» («Найс»), группа «Изысканные» образовалась в 1967 г. в Великобритании.

Исходный состав: Кит Эмерсон, орган, фортепьяно, синтезатор, вок.; Ли Джексон, бас, гит., вок.; Брайан «Блинки» Дэйвисон, уд.; Дэвид О'Лист, гит., вок.

Оказавшись своего рода налькой, с которой в значительной степени была «списана» стилистика знаменитейшего трио «Emerson, Lake & Palmer», «Н.» также стала и связующим звеном между группами-экспериментаторами, которые в конце 60-х сделали ставку на психоделию, и исполнителями первой половины 70-х, творчество которых отмечено печатью симфонической классики — к числу последних относятся как сами «Н.», так и их великолепный «отпрыск» «ELP».

Дата рождения «Н.» — 18 августа 1967 г., именно тогда состоялся первый концерт группы, пока еще в качестве supporting band (букв. «поддерживающая группа») черной соул-певицы Пи Пи Арнолд. Все музыканты «Н.» уже имели опыт работы в группах: Эмерсон и Джексон прекрасно знали друг друга по ритм-энд-блюзовому проекту «Gary Farr And The T-Bones», Дэйвисон и О'Лист вместе играли в полупрофессиональном коллективе «Dread Honey». Летом 1967 г. две группы слились, и вскоре из них выделилась «Н.» — в октябре того же года музыканты выпустили дебютный сингл «The Thoughts Of Emerlist Davjack» (фирма Immediate Records, продюсер Эндрю Олдхэм; это также и название первого альб.). Вершиной диска все критики в один голос признали эмерсоновскую адаптацию «Rondo» Моцарта (впоследствии Эмерсон «зациклился» на подобных аранжировках, причем не только классики — достаточно назвать его изумительную переработку невзрачной «She Belongs To Me» Б. Дилана) — в концертном варианте Эмерсон бил клавиатуру органа ногами и разыгрывал любовную сцену со своим фортепьяно. В отличие от предыдущей группы, имидж «Н.» складывался из более сложных концепций, главная из которых — персонификация старых мастеров — легла в основу и имиджа «ELP» (не сумев избежать традиционного для тех лет соблазна, во время исполнения в Алберт-холле номера «America» из «Вестсайдской истории» Леонарда Бернштейна Эмерсон лично сжег флаг США). В результате группу навсегда «отлучили» от Алберт-холла, а Л. Бернштейн сумел добиться запрещения радиотрансляций в США его вечной темы из «Вестсайдской истории» в «необычном» прочтении группы К. Эмерсона. Почувствовав, что наибольший интерес публики и прессы привлекает Эмерсон, О'Лист вышел из состава «Н.» (в 1969 г. он на несколько дней заменил Мина Абрахамса в «Jethro Tull»).

Практически все два с половиной года своего существования «Н.» работали в формате трио, при этом Эмерсон в кратчайший срок приобрел репутацию «органного Джими Хендрикса». К сожалению, невероятная популярность группы в Европе не распространялась на США. По иронии судьбы, в тот самый момент, когда «Н.» начали привлекать американских слушателей — это произошло после концертов группы в сан-францисском зале «Филмор», — Эмерсон познакомился с Грэгом Лейном, входившим тогда в состав «King Crimson» (1969 г.), и... «Н.» стала историей: мгновенно возникла группа «ELP», а выход последнего студийного альб. «Н.» «Elegy» совпал по времени со сценическим дебютом «ELP».

Джексон сформировал группу «Jackson Heights» (в 1970 — 1973 гг. она выпустила пять альб.), а в 1974 г. вместе с клавишником Патриком Моразом и бывшим коллегой Дэйвисоном собрал группу «Refugee», работавшую явно под влиянием манеры «ELP». Но и этот проект оказался скоротечным — Мораз присоединился к «Yes», а затем к «The Moody Blues», Дэйвисон некоторое время работал в составе «Gong», а сейчас открыл стильный магазинчик для барабанщиков в Лондоне.

Пл.: The Thoughts Of Emerlist Davjack, 1967; Ars Longa Vita Brevis, 1968; Nice, 1969; Five Bridges Suite, 1970; Elegy, 1971; Live In London, 1972 (запись концерта 1968 г.); Best Of Nice, 1972 (2LP — сборник); In Memoriam, 1974 (сборник); Vintage Years, 1975 (сборник); Hang On To A Dream, 1975 (Live LP — запись концерта

ABBA

Apple & Apple

Apple & Apple

1969 г.); Keith Emerson And The Nice, 1975 (сборник; в амер. варианте Keith Emerson And Nice, 1976); Amoeni Redivivi, 1976 (сборник; все вещи переименованы с участием Г. Лейна); Nice With Keith Emerson, 1976 (сборник); America, 1976 (концертный сборник); Pop Groups Of The 60s, 1979 (сборник; с Пи Пи Арнолд); The Greatest Thoughts Of Them All, 1992 (3LP-сборник; «Nice» и «ELP»).
Изменения состава: 1968 — О'Лист.

NICO. Нико (настоящее имя Криста Паффген). Родилась 19 августа 1938 г. в Германии (по данным амер. рок-энцикл.— 17 сентября 1944 г.). Умерла 18 июля 1988 г. в Каннах, Франция. Амер. певица и композитор.

Впервые гипнотизирующий монотонный вокал Н. амер. публика услышала в середине 60-х, на концерте нью-йоркской группы «Velvet Underground», бывшей в то время составной частью проекта выдающегося художника Энди Уорхола «The Exploding Plastic Inevitable» (как определял сам Уорхол, «Роковая

«Уродец Джо» — так переводится название новой сенсации из Калифорнии «Ugly Kid Joe» — состоит из пятерых любителей рок-н-ролла: Уитфилд Крейн IV — вокал, Клаус Эйхштадт и Роджер Лар — гитары, Марк Дэвис — ударные, и Корделл Кроулетт — бас-гитара. Дебютный сингл группы «Everything About You» понравился диск-жокеям, и потому сорокапятна «As Ugly As They Wanna Be» практически сразу же по выходе стала «золотой». На вопрос, каков же стиль «Уродца Джо», музыканты отвечают, что такового не существует, или, точнее — для него пока нет названия: «Наша музыка не громкая, но и не тихая, это не «металл», но и не софт-рок — мы не хотим, чтобы нас занесли в какой-нибудь подвид «Эволюции придурков рока». Что, такой еще нет? Значит, будет. Но без нас». Таково программное заявление группы, которое огласил ее спикер Крейн-четвертый. (Кстати, кто были предыдущие трое Крейнов, не знает даже его мама, Лина Фуллер Крейн. Точно так же, как не ведает, где вот уже десять лет шляется папа Уитфилда. Что, однако, не мешает ей оставаться самым верным и преданным другом сына.)

«Дружба — это то небольшое, на что можно положиться в нашем мире, — говорит Уитфилд. — Да, ближе мамы у меня никого нет, но это не значит, что у меня только один друг. Я знаю коллег по группе с дошкольных времен — может, это и есть залог нашего успеха?» А кто будет спорить?

пластиновая взрывчатка» — так наиболее точно переводится название — «представляет собой музыкально-графическое шоу новой американской революции, призванной раскрепостить души и сознание погрязшего в рутине истеблишмента»).

Творческая карьера Н. начиналась в Париже, где будущая певица работала манекенщицей — в поп-музыку она «попала» в первой половине 60-х, но не благодаря каким-то талантам, а в результате тесной дружбы с Брайаном Джонсом из «Rolling Stones». Джонс представил Н. продюсеру своей группы Эндрю Олдхэму, и в 1965 г. тот организовал запись ее дебютного сингла «The Last Mile», продюсером, аранжировщиком и соавтором которого был будущий «цепелиновец» Джимми Пейдж. В 1966 г. Н. оказалась в Нью-Йорке, где познакомилась с Э. Уорхолом, который сразу же пригласил ее на главную роль в модернистском фильме «Девушка из Челси» (фонограмма картины стала дебютным альб. певицы); тогда же Н. сыграла эпизодическую роль в фильме Ф. Феллини «La Dolce Vita». Вскоре Уорхол познакомил ее с Лу Ридом и Джоном Кейлом из «Velvet Underground» — Н. удачно вписалась в состав группы (дебютный альб. даже называется «The Velvet Underground And Nico»), но после выхода пл. «выбрала свободу».

Несмотря на разрыв с «Velvet Underground», Н. сохранила дружеские связи с Л. Ридом и Дж. Кейлом — именно их вещи стали ядром ее следующего диска, а неизменным аккомпанирующим музыкантом певицы — тогда еще юный Дженсон Браун, также прошедший «университеты» Э. Уорхола. Помимо него, в составе группы Н. часто появлялись такие культовые фигуры, как Тим Хардин и Тим Банли; некоторое время продюсером и аранжировщиком дисков Н. был сам Дж. Кейл — в альб. «The Marble Index» он играет на всех инструментах, кроме губной гармоник, ставшей трейдмарком Н.

Записав несколько дисков, Н. уехала в Париж, где возобновила прерванную карьеру манекенщицы — лишь в 1974 г. она подписала контракт с фирмой Island, по которому предусматривался выпуск двух ее сольных альб. В том же г. она выступила на грандиозном концерте в лондонском театре «Рэйнбоу», в котором также участвовали Кевин Эрз, Дж. Кейл и Брайан Иноу — по следам шоу был выпущен концертный диск, названный в честь события «June 1, 1974», с вошедшей в него невероятно мрачной версией дорзовского «The End» в исполнении Н. Аранжировка не понравилась руководству Island, и, несмотря на уговоры Иноу, в 1975 г. фирма расторгла контракт с Н.

В конце 70-х — начале 80-х Н. практически не записывалась в студии и лишь изредка выступала в небольших клубах с сольными номерами. Долгое молчание было прервано в 1981 г., когда Н. выпустила великолепный диск «Drama Of Exile», в который вошли ее версии «вельветовской» «Waiting For The Man» и «Heroes» из репертуара Дэвида Боуи.

В 1982 г. художественное издательство Э. Уорхола выпустило авторскую работу художника «Нико и ее роль в освоении американской субкультуры» — книга так живописала певицу, что европ. фирмы наперебой бросились предлагать ей контракты на запись дисков. Но, к сожалению, к тому времени шалости Н. с наркотиками превратились в пагубную привычку. Однако певица нашла в себе силы и обратилась в реабилитационный центр Нью-Йорка, где ее сумели поставить на ноги — окрыленная успехом, Н. в 1985 г. записала свой лучший диск «Camera Obscura» (с Дж. Кейлом) и отправилась на гастроли в Англию (с группой «Wise»).

Буквально перед самой смертью Н. побывала с концертами в Восточной Германии, где особым успехом пользовалась ее ерническая аранжировка гитлеровского гимна «Deutschland Über Alles».

Ранним утром 18 июля 1988 г. Н. нашли на проселочной дороге близ Канн, рядом лежал ее велосипед. Несмотря на травмы, судебный медик опроверг версию о наезде и констатировал смерть «в результате кровоизлияния в мозг»... У певицы остался десятилетний сын Ари — участие в судьбе мальчика принимает популярный французский киноактер Ален Делон, и это неудивительно, ибо он родной отец Ари.

Пл.: Chelsea Girl, 1968; The Marble Index, 1968; Desert Shore, 1971; The End, 1974; June 1, 1974, 1974 (2LP-Live); Drama Of Exile, 1981; Do Or Die, 1983 (Live LP); Camera Obscura, 1985; The Blue Angel, 1985 (сборник; вещи из репертуара «The Velvet Underground», не вошедшие в первый альб. группы); Behind The Iron Curtain, 1986 (2LP-Live); Live Heroes, 1986 (Live LP); In Tokyo, 1987 (Live LP); The Peel Sessions, 1989 (посмертная запись джем-сейшн на Би-би-си); Live In Denmark, 1989 (Live LP; запись 1988 г.); The Marble Index II, 1991 (только на CD — аналог одноименного альб. + 2 ранее не выходившие вещи).

Автор и составитель Сергей Настальский

ПСЫ СТЕНЫ

Петер ШНАЙДЕР,
немецкий публицист

Когда Господь создал немца, он дал ему в товарищи немецкую овчарку. Даже меня, например, никто не сможет убедить, что эта порода ведет родословную из Шотландии или Ирландии, потому что если немецкие овчарки и не были немецкими по происхождению, они стали таковыми по собственной воле. Ни один поворот современной истории Германии невозможен без овчарки, уверенно стоящей на своем посту. Когда Адольф Гитлер настолько разочаровался в Германии, что застрелился, он не только оставил без фюрера свой народ — он оставил без хозяина национальную собаку. А когда пала Берлинская стена и Эрих Хонеккер убежал в Советский Союз, он покинул не только 17 миллионов немцев, но и тысячи овчарок.

Конечно, в последнем случае гораздо разумнее предположить, что у Хонеккера не было личных отношений со множеством четвероногих подданных — в конце концов, они охраняли не его дом в Вандлице, но все Восточногерманское государство. Однако именно эти, столь тесными узами связанные с германцами, животные первыми почувствовали исторические раны, нанесенные осколками стены. 9 ноября 1989 года они за одну ночь стали безработными и бездомными, ибо лишились своих пограничных будок.

Пока стена не пала, истинная их роль в истории не была видна. Говорят, восточные немцы держали на границе более 5 тысяч псов — около 2500 сторожевых и 2700 так называемых «собак сопровождения». Не все они были овчарками, потому что в рабочем государстве, где царил равноправие, эти аристократы вынуждены были делить кров и пищу со всякими там ротвейлерами, шнауцерами и просто дворнягами.

Проживающие по обе стороны стены немцы были глубоко взволнованы известием, что 9 ноября тысячи немецких овчарок лишились хозяев. Немцы боялись худшего. Массовое воображение рисовало образы отчаявшихся, оголодавших псов, сбившихся в стаи вдоль прежней границы и в тоске воющих на последнего своего хозяина — Луну. Публика даже предполагала, что дикие и опасные стаи ринутся на ставшие вдруг доступными улицы Западного Берлина.

Но ничего подобного не произошло. Сразу же после падения стены западногерманское Общество по предотвращению жестокого обращения с животными начало переговоры с восточногерманским Министерством обороны. После множества заседаний, в течение которых стороны проявили себя как хитрые и изворотливые политики, Общество объявило, что 2500 служивых песиков найдут приют в Западной Германии. Сотни добросердечных одиночек вкупе с дюжинами многодетных семей выразили желание их принять. Но вскоре тень омрачила этот светлый миг согласия Востока и Запада: собаки стали поводом для типично немецкой дискуссии.

Новости о предстоящей сделке породили возражения западногерманской Ассоциации немецких овчарок — руководители Ассоциации обвиняли руководителей Общества по предотвращению жестокого обращения с животными в безграмотности и безответственности. Ассоциация утверждала, что пограничные собаки «чересчур опасны» для неопытных любителей — их ведь держали «без социального контакта с людьми», в таком возрасте они будут «с трудом интегрироваться в семьи», они «вряд ли способны к переподготовке и включению в нормальную жизнь». Более того, эти собачки подверглись такому «пропагандистскому промыванию мозгов», что лучше бы им оставаться «там».

Средства массовой информации Западной Германии немедленно впали в большую агитацию. Статьи на первых полосах газет кричали о «собаках-людоедах и убийцах»; о них говорилось как о совершенно асоциальных и психически нестабильных существах — только подумать, некоторым из них даже специально заостряли клыки! А около тысячи собак настолько опасны, что их следует сразу же усыпить. И вообще выросшие при сталинизме псы находились под «слишком большим влиянием обстановки», чтобы превратиться в мирное домашнее животное.

Эти огульные обвинения так обидели восточногерманских владельцев домашних животных, что впервые в истории друзья и враги собак сомкнули ряды в единодушном протесте. Восточногерманские ветеринары и дрессировщики говорили об отголосках «холодной войны». Западная пропаганда пишет о тысяче кусачих, а на самом деле их было всего две (и их таки действительно пришлось усыпить!). Конечно, все это делается намеренно, чтобы восточные собраты не понизили доходы от западных! Вот вам капиталистический взгляд! Собаки, которые служили в пограничных патрулях, вовсе не были мизантропами — более того, они «отчаянно нуждались в любви»: они ведь работали посменно, у каждой было по меньшей мере четверо хозяев, они были лишены соответствующих пристойной собачьей жизни отношений «хозяин — пес». Эти собачки необразованны и некомпетентны — они даже не могли исполнять команду «Куси!». Да и вообще это были «собаки-обманки»: они просто бегали взад-вперед вдоль стены и на самом деле не могли бы никому причинить вреда — люди их боялись, так сказать, исторически. Они даже ни разу не куснули никого из беглецов. И каждый, кто собирался перескочить через стену, мог совершенно спокойно почесать пса за ушком. У этих обремененных недоброй славой потомков собаки Баскервилей было всего два желания: побольше вкусной еды и немного ласки. Известен даже факт, что один западногерманский покупатель вынужден был с негодованием вернуть своего пса: когда в дом влезли грабители, наш герой не таякнул и даже приветливо завилял хвостом.

Восточногерманские защитники бездомных пограничных собак были всерьез обеспокоены тем, что в результате негативной пропагандистской кампании среди клиентов появятся нежелательные элементы. И так уже возле будок слонялись сутенеры, которым для защиты от соперников требовались «псы-убийцы», и всякие измученные комплексом Наполеона маньяки, жаждущие компенсировать свой малый рост габаритами немецкой овчарки. Владельцы восточногерманских собачьих приютов начали подвергать возможных клиентов подробному допросу, дабы отсеять «серьезных» покупателей от «сомнительных».

К сожалению, из-за острой жилищной проблемы лишь небольшое число овчарок могло найти приют в домах восточных немцев. Да и сорок лет антифашистского воспитания значительно повлияли на вкусы населения: оно теперь предпочитает домашних животных, которые никак не ассоциируются с силой и агрессией — волнистых попугайчиков, кошек и кроликов.

Слава Богу, страсти наконец улеглись. Почти все пограничные собаки нашли новый кров и новых хозяев, и разговоров о проблемах интеграции их в новое общество почти не слышится. Многие из вновь прибывших, которые поначалу ворочали нос от западных собачьих консервов или даже страдали поносами, успешно приспособились к новой еде. Большинство преодолело страх перед лифтами и эскалаторами. Они больше не боятся прежде незнакомых пород и перестали удирать при виде карликовых пуделей в вязаных шапочках и кожаных жакетах. Почти все с охотой учатся и воспринимают команды на других диалектах, не только саксонском.

Правда, есть одна проблема. Если новому хозяину вздумается прогуляться в том месте, где когда-то стояла стена, пес выходит из-под контроля и начинает, не вникая никаким запретам, бегать взад-вперед по когда-то предначертанному пути, не отклоняясь при этом ни вправо, ни влево. Стену стерли с лица земли так основательно, что даже прирожденный берлинец не может порой определить, где она стояла, и лишь псы ее, будто на невидимой привязи, следуют прихотливым очертаниям сооружения, когда-то разрезавшего город — как если бы они искали что-то, какую-то дорогую пропажу...

А может быть, этот рассказ — всего лишь легенда, как и сама стена...

Перевод Н. РУДНИЦКОЙ

ИЗ ЧЕГО СДЕЛАНЫ ЧУДЕСА?

В.СИМОНОВ

Чуда! Так хочется чуда.

Ребенок смотрит на фокусника и думает, что он волшебник. Но мы-то знали: чудес не бывает, мы верили только в научно доказанные факты. Мы крепко стояли на Земле, а она вертелась на сумасшедшей скорости — эта чертова карусель, подвешенная в бездне, но мы не ощущали головокружения.

Вдруг все переменялось: твердая почва уплыла из-под ног, исчезли наставники, теперь, как жить и куда идти, нам говорят астрологи, проповедники и ясновидящие. Словно в одиночестве пустыни мы готовы поверить в мираж.

Я сижу на кухне и по заказу редакции перевожу американскую статью о ясновидящих. Мне казалось, что мания на чудотворцев — это сугубо наша болезнь, последствие кризиса, но, судя по статье, магов-экстрасенсов в процветающей Америке не меньше, чем у нас.

«...В прежние времена их называли медиумы, спириты и оракулы, теперь существует новый термин — «канализаторы». Эти люди предоставляют свое тело в качестве оболочки для духов умерших людей, а также для духов будущих людей и инопланетных существ...»

Кто верит в эту чушь?

Американский ученый Артур Хастингс, изучивший десятки канализаторов, в научном труде «Языком людей и ангелов: исследование канализирования» пишет буквально следующее: «Я убежден, что они не шарлатаны. Единственное, в чем я не уверен, входит ли посторонний дух в их подсознание, или же они черпают информацию из некоего бассейна знаний, находящегося в ином измерении?»

Другой американский ученый — Бернард Гиттелсон в труде под названием «Неопровержимые доказательства» говорит: «Существование ясновидения доказывает наличие сознания вне материального мира, оно связано с чем-то более разумным, чем мы сами, выходящим за пределы привычной нам жизни».

Ученый-физик Барбара Бреннан прежде работала в научной лаборатории НАСА, теперь она канализатор, в нее вселяется дух будущего человека по имени Хейоан. Вот о чем рассказывает дух: «Наши физические тела — лишь крохотная часть иного материального мира, душа существует вне времени и пространства. Жизнь на планете есть краткое состояние осознанности — нечто вроде школы для души. Решая земные проблемы, душа воспитывается. Когда физическое обучение души заканчивается, она возвращается назад домой, в прекрасное место, полное любви».

По-видимому, речь о рае. Наука становится все больше похожей на религию. Прежде, когда цивилизованные, просвещенные люди говорили о подобных вещах, я считал, что для них это всего лишь метафора. Но Сильвестр Сталлоне, культурный и здравомыслящий человек, утверждает, что в прошлой своей жизни был профессиональным боксером, а не менее уважаемая мной киноактриса Ширли Маклейн верит, что в своей иной жизни была буддийским монахом.

В детстве я прочел роман Джека Лондона «Межзвездный скиталец» о человеческой душе, блуждающей во времени и пространстве. Теперь не знаю, был ли скиталец для писателя только красивой философской метафорой? Может быть, я слишком туп и потому не способен поверить в чудо?

...На сцене — дети, на их лобиках висят, как приклеенные, металлические ложки, вилки, ножи и половники. Маленькие экстрасенсы похожи на дрессированных зверьков из Уголка Дурова. Скорее всего передача называется «Очевидное — невероятное».

Я слоняюсь между кухней и комнатой, где жена смотрит телевизор, и думаю: а что было бы, согласись Христос на требование толпы сотворить чудо? Наверное, толпа пошла

бы за чудотворцем, но потом посадила бы на цепь и потребовала бы опять превращать воду в вино. Зачем работать, если есть волшебная палочка?

Еще я думаю: зачем государство содержит органы сыска, медицинские диагностические центры, метеорологические службы и так далее, когда один ясновидящий мог бы исполнять работу целого заведения?

«Перед своим первым визитом к знаменитой нью-йоркской ясновидящей Сюзанна нервничает: согласится ли Йолана тратить энергию на поиски потерявшейся кошки? Йолана, крупная светловолосая женщина, внимательно смотрит на фотографию пропавшей кошки. «Люди очень привязываются к домашним животным», — успокаивает она Сюзанну, потом информирует, что через три дня ей позвонит человек, в адресе которого есть тройка и пятерка. Он прочтет объявление Сюзанны и сообщит о местонахождении животного. Все вышло именно так, как и предсказала Йолана».

Я не могу этого понять. Но текст напечатан в солидном американском журнале, магические способности героев статьи не вызывают удивления у автора, даже такие слова, как «чудо» или «волшебство», им вообще не употребляются. По-видимому, американцы давно привыкли к своим чудотворцам и само ясновидение уже воспринимают как некую модную профессию. У американских ясновидящих, кстати, есть свой профсоюз.

К консультациям ясновидящих прибегают политики и правительственные учреждения, даже такие, как Пентагон. Ясновидящая Йолана дает консультации Дайане фон Фюрстенберг, благодаря которым та создает свою империю бизнеса; ясновидящие помогают в творчестве певцу Принцу и киноактрисе Ким Бессинджер; режиссера Тима Бертон вдохновляют на создание фильмов; ясновидящий Джон Грин гадает на картах для Йоко Оно относительно ее дел на день... Неужели все они верят в чудеса?

Главный редактор журнала «Психология сегодня», он же постоянный клиент ясновидящей Мэри Браун, предпочитает не ломать голову над природой чудес: «Пусть я не понимаю, каким образом Мэри получает информацию, зато ее советы всегда имеют большое практическое значение».

...На экране крупная женщина, домохозяйка, «держит» на груди утюг. Она рассказывает тележурналисту, что эту способность обнаружила в себе недавно. Как применить ее с пользой, пока не знает. Просто веселит знакомых...

В детстве я, конечно, как все, ломал механические игрушки, чтобы увидеть, как они устроены. Но, может быть, действительно не стоит допытываться, из чего сделаны чудеса? Тем более что самим чудотворцам это тоже не известно. Они, словно дети, смотрящие телевизор, видят изображение, не понимая, откуда оно берется.

Клариса Бернхард, прославившаяся тем, что по радио предсказала землетрясение в Сан-Франциско, видит радужный свет, ауру, окружающую каждого человека. «Внутри ауры я могу видеть прошлые и будущие события, кроме того, изменение цвета говорит мне о физическом и эмоциональном состоянии человека».

Другие ясновидящие расшифровывают информацию с помощью любимых предметов клиентов или же фотографий тех, о ком нужно что-либо узнать. Третьим необходимо прикоснуться к клиенту, четвертым достаточно лишь на него посмотреть. «Когда на меня нисходит озарение, какой-то свет лучится сквозь меня и исчезает», — говорит нью-йоркская ясновидящая Беатрис Рич. Фрэнку Эндрюсу достаточно просто откинуться в кресле. «Я вижу поток картинок... как... по телевизору».

Из кухонного стола я беру чайную ложечку, гипнотизирую ее взглядом и медленно надвигаю на лоб — контакт! — но ложечка издевательски падает на пол. Я не знаю, существует ли в ином измерении некий бассейн сверхзнаний? Блуждает ли душа во времени и пространстве? Но наверняка что-то за всем этим есть. Когда-нибудь фокус, конечно, раскроется.

Жаль, так хочется чуда...

БЕЗ ЯЗЫКА — НИКУДА... В СЕГОДНЯШНЕЙ ЕВРОПЕ без границ даже на стройке в более выгодных условиях оказывается рабочий, владеющий иностранным языком. Секретарша, говорящая на двух языках, имеет прибавку к жалованью. А мощные концерны Германии, Франции, Великобритании содержат собственные языковые школы и посылают служащих для языковой стажировки в дочерние иностранные фирмы. По части языков в Европе лидируют немцы: 40 процентов владеют одним иностранным языком, 7 процентов — двумя. Для сравнения: в Италии три четверти населения говорит только на родном языке. А поскольку нам всем ужасно хочется в Европу, то... Запомните: даже на стройке в более выгодных условиях оказывается рабочий, владеющий иностранным языком.

ПОЖАЛУЙ, САМАЯ МОДНАЯ У НАС сейчас песня группы «Ирейжер» — «Отдай мне всю свою любовь». Только мало кто помнит, что принадлежит она группе «АББА», которая написала ее аж в 1980 году. Впрочем, сам дуэт «Ирейжер» и не пытается это скрыть.

LAY ALL YOUR LOVE ON ME

I wasn't jealous befor we met
Now ev'ry woman I see
Is a potential threat
And I'm possessive, it isn't nice
You've heard me saying
That smoking was my only vice
But now it isn't true
Now ev'rything is new
And all I've learned
Has overturned, I beg of you:
Don't go wasting your emotion
Lay all your love on me
It was like shooting a sitting duck
A little smalltalk, a smile and,
Baby
I was stuck
I still don't know
What you've done with me
A grownup woman shoul never
Fall so easily

I feel a kind of fear
When I don't have you near
Unsatisfied I skip my pride
I beg you dear:
Don't go wasting your emotion
Lay all your love on me
Don't go sharing your devotion
Lay all your love on me
I've had a few little love affairs
They din't last very long
And they've been pretty scarce
I used to think that was sensible
It makes the truth even more
Incomprehensible
'Cause ev'rything is new
And ev'rything is you
And all I've learned
Has overturned
What can I do?

ДО ЧЕГО ЖЕ ВКУСЕН ТЫ, ИМПОРТНЫЙ ПРОДУКТ, заполонивший наши магазины и палаточки! Красиво упакован и отчаянно дорог. И наш потребитель, хоть и ошарашенный ценами, все же не выдерживает — покупает. И травится. Ибо многие из этих замечательных продуктов давно уже пережили свои сроки годности, продавцы же по этому поводу мало переживают. Поэтому нам, потребителям, следует самым внимательно изучать красивенькие упаковки — на них, в отличие от наших банок и упаковок, сроки годности проставлены четко. Особенно вышесказанное касается красавца йогурта, который в некоторых наших магазинах почему-то по простоте душевной называют «взбитыми сливками с фруктами». С фруктами — верно, только обыкновенный кефир. А вот продают его по бешеным ценам прокисшим вовсе не по простоте душевной...

НУ НЕ БУДЕМ СПОРИТЬ — красиво это, когда серьги... И если у молодых людей проблем нет — они носят маленькие колечки или что-то в этом роде, то для девушек выбор сережек, особенно когда в моде крупные — серьезная проблема. Хотя, зная некоторые маленькие тайны, решить ее просто.

Мы люди добрые. Делимся с вами тайнами. Значит, так: если лицо круглое, то его стоит как бы «удлинить» с помощью сережек в виде неширокой капли или клипсами овальной формы. Если лицо классически овальное, то только тогда вам пойдут серьги и клипсы круглые.

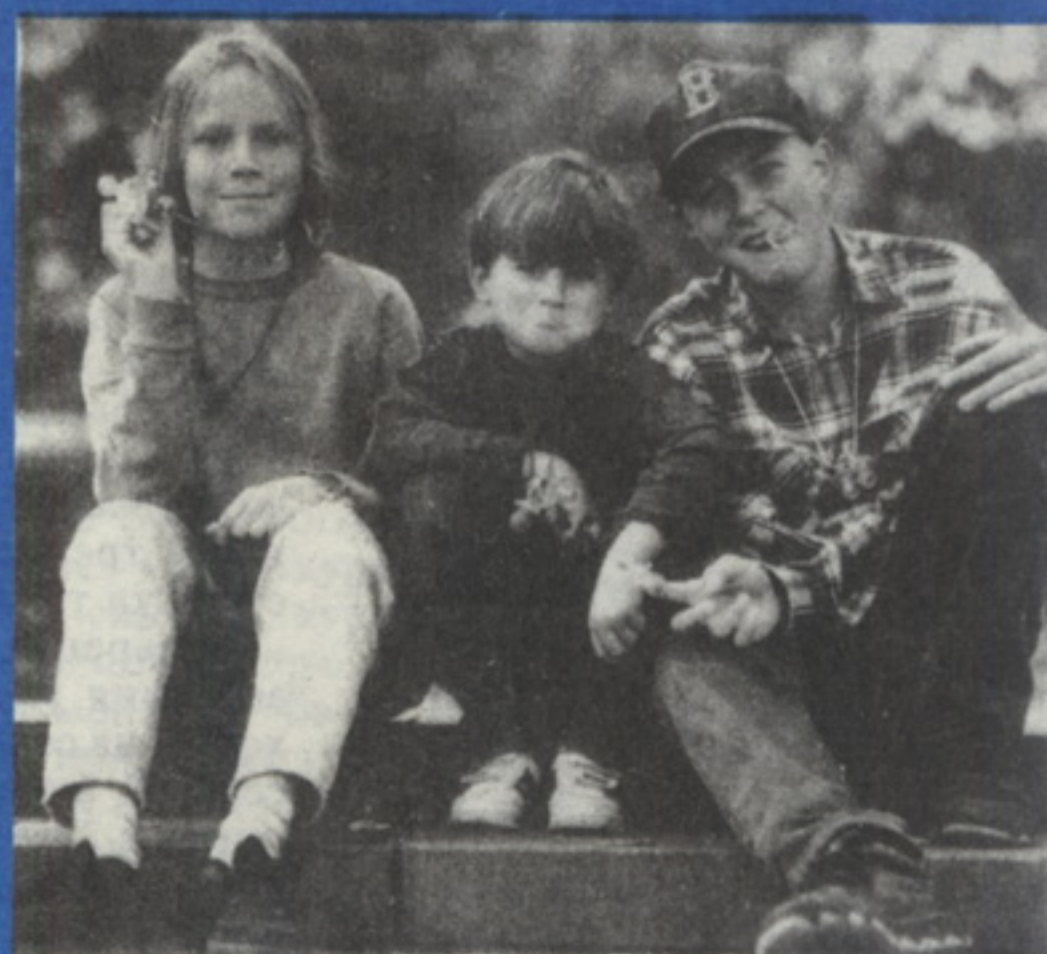

Ну а если ваше лицо — суживающийся к подбородку треугольник, то этот недостаток вполне можно «уравновесить» серьгами грушевидной формы.

КУКУШКА ХВАЛИТ ПЕТУХА...

Рок-музыканты, как правило, недолюбливают своих коллег из других групп и при случае охотно отпускают по их адресу всевозможные шпильки. Кто первым «вскрыл недостатки» коллеги? Наверное, неугомонный Джон Леннон, крепко «приложивший» Пола в песне «How Do You Sleep». На что Маккартни возразил в блестящей пародии на ленноновщину «Let Me Roll It». Но бывают исключения, когда исполнитель вдруг начинает боготворить какую-нибудь звезду и слагает в ее честь пылкую песню. Бывает, что воспетый откликается гимном в адрес воспевшего. Группа «Young World Singers» воспела Старра в песне «Ринго в президенты», ему же посвящена и песня Вив Принса «Менуэт для Ринго». А вот «The House Of Love» подошли к вопросу аналитически и поделили свои симпатии между «Битлз» и «Роллинг стоунз» — «The Beatles & The Stones». Майлз Дэвис воспел Джона Маклафлина, а Маклафлин — Дэвиса. А тактичные Дилан и Боуи уже лет двадцать хвалят друг друга, хотя и тот и другой написали по паре вещей в честь самих себя. В общем, в роке, как всегда, если происходит что-то трогательное, то непременно громкое и безграничное.

В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ «НА УРА» ИДУТ СОСКИ ДЛЯ НОВОРОЖДЕННЫХ. И не потому, что рождаемость подскочила до невероятных размеров — младенцев заметно не прибавилось. Просто соски разных цветов и фасонов стали в молодежной моде хитом № 1. Родители, педагоги, ученые стонут от этой массовой эпидемии, пытаются так и эдак объяснить ее причины, а юное поколение от пяти до пятнадцати лет знает независимо чмокает в ответ. Как видно, в детство можно впасть не только в старости.

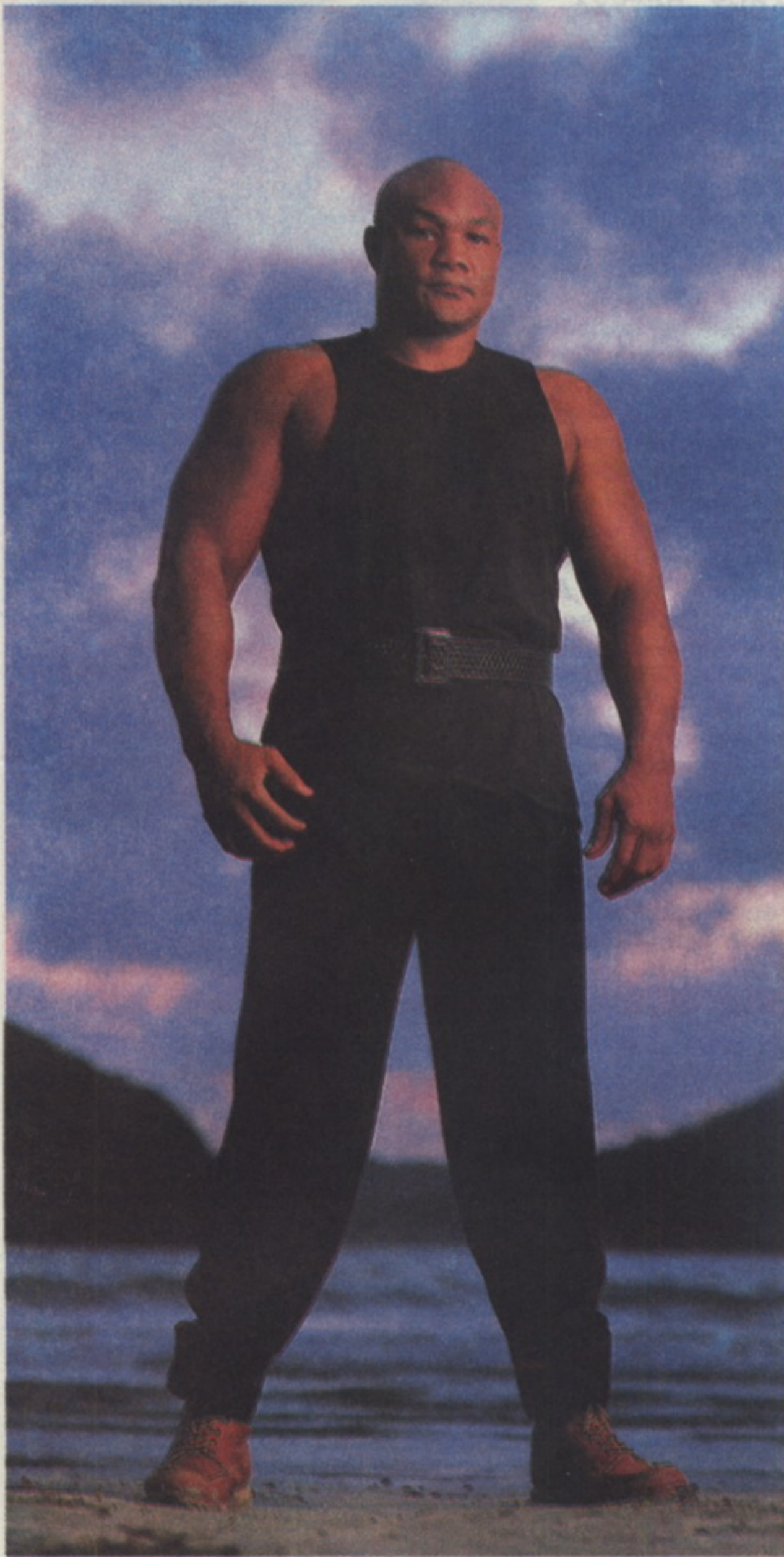
ТАЙНА ЦВЕТА НОЧИ. Черное — это не просто цвет. Да, многих отпугивает его мрачность, чопорность. Другие ощущают в нем оттенок траура, дыхание скорби. Но истинные ценители всегда оставались верны этому цвету избранных. Выслушаем их: Макс Люшер, психолог: «Черное — это пра-цвет, грань между жизнью и смертью. Знак власти, но и символ анархии». Штеффи Граф, теннисистка: «Я сама — темное существо, и черный цвет идет мне невероятно. В нем есть что-то магическое». По данным знатоков, каждый третий «мерседес» и каждый четвертый «порш» — черного цвета. Их выбирают сильные мира сего, гордые и удачливые — тип победителей.

Музыкальный, полный эротики, авантюрный, но при этом элегантный и респектабельный черный цвет — король моды 1993 года.

БОЛЬШОЙ КУЛАК

Алексей ПОЛИКОВСКИЙ

семидесятых в тяжелом весе делали погоду мужчины в расцвете лет; считалось, что только к середине третьего десятка боксер обретает подлинную мощь удара. Теперь же на ринге было полным-полно молодняка — и возглавлял эту ораву двадцатилетний чемпион мира Майк Тайсон. Все эти ребята очень быстро двигались и очень сильно били. Высокому (1 м 95 см), похожему на гору Формену эта манера боксировать казалась суетой. Куда спешить? В хорошем бою для хорошего удара всегда найдется время. Но Майк Тайсон, задававший в боксе тон и стиль, выходил на ринг с мрачным огнем ненависти в глазах и налетал на противника, подобно урагану. Карла Уильямса он уничтожил за 93 секунды, из Майкла Спинкса вышиб дух за 91.

В январе 1987 года, когда Джорджу Формену оставался год до сорокалетия, он вдруг, застенчиво улыбаясь, поделился с журналистами и публикой заветной мыслью: он решил вернуться на ринг и снова стать чемпионом мира. План этот, высказанный «стариком Джорджем», подавляющему большинству людей показался анекдотом и казусом. Никто никогда не возвращался в профессиональный бокс в сорок лет, после десятилетнего перерыва. Конечно, знатоки спорта помнили, что сэр Стэнли Метьюз играл в футбол до пятидесяти лет, а шведский хоккеист Берье Сальминг в тридцать девять и не думал уходить со льда — но то были футбол и хоккей, а не бокс. В футболе и хоккее ветеран не рискует жизнью. Он может проиграть, но все равно получит свою долю уважительных аплодисментов. В боксе, в тяжелом весе, он, возможно, их тоже получит — но вряд ли услышит, лежа без сознания на брезенте ринга в глубоком нокауте.

Джордж Формен готовился к возвращению на ринг по старинке, без новомодных научных нововведений. Он уменьшил ежевечерние порции виски и увеличил число деревьев, которые валит в своем лесу. Он посадил себя на диету и сбавил вес со 150 кг до 116. Еще он бегал кроссы: чтобы быть в состоянии догнать противников, когда они начнут разбегаться от него. Публика не без удивления выслушивала его шутки и наблюдала за его патриархальными тренировками. От газонокосилки он не отказался: стрижка травы наполняла его душу миром и покоем.

Теперьшний, вдруг вынырнувший из почетного полужабения, умиротворенный Джордж Формен очень не походил на себя самого, каким он был в расцвете своей боксерской карьеры. Он появился на профессиональном ринге в 1969 году и быстро заработал репутацию жестокого боксера. В театре бокса в те годы заглавная роль была у великого Мохаммеда Али. Али был не просто знаменитый боксер — он был боксер, расширяющий рамки возможного. В тяжелом весе, где всегда полным-полно мордоворотов, от шага которых дрожит земля, — Али передвигался, танцуя на цыпочках; в компании людей, привыкших угрюмо молотить кулаками двенадцать раундов подряд — он исповедовал удары, в которых была хирургическая точность. Мощному напору и звериной силе своих постоянных конкурентов, Джорджа Формена и Джо Фрезера, он противопоставлял хитрость, движение, уклончивую игру. Они были два буйвола — он олень.

В январе 1973 года буйволы выяснили отношения друг с другом. Бой Формена и Фрезера в Кингстоне, на Ямайке, вошел в историю профессионального бокса как один из самых жестоких. Фрезер был чемпионом мира, ставки принимались в соотношении 3:1 в его пользу. Но этот испытанный, самоуверенный боец в тот январский день попал в мясорубку, которая смолола его. Джордж Формен сбил Фрезера с ног первым же ударом. Фрезер встал, но в ближайшие четыре минуты 35 секунд боя он был обречен

Джордж Формен, экс-чемпион мира по боксу в тяжелом весе среди профессионалов, закончив выступления, жил в своем поместье уединенно и спокойно. По утрам он ел яичницу с беконом, пил апельсиновый сок и разминался на тренажерах. Иногда он бегал по собственному лесу, а иногда, взяв в руки огромный топор, валит деревья, желая дать работу мускулам. Но больше всего он любил стричь газоны. В уходе за травкой этот полтора центнера весящий гигант находил великий смысл. Уместив свое огромное тело на стрекочущей газонокосилке, он целыми днями разъезжал по лужайкам и радовался солнцу, птицам и бабочкам. Вечерами, налив себе стакан виски, он смотрел телевизор: фильмы, новости, концерты, бейсбол и — не очень часто — бокс. В глазах знатоков и ценителей этого вида спорта он был умудренным годами мэтром, в глазах молодого поколения боксеров — легендарным дедушкой, мифическим Гераклом, совершавшим свои подвиги эпоху назад, в допотопном 1973 году.

За те годы, что Джордж Формен не выходил на ринг, бокс сильно изменился. В конце шестидесятых — начале

падать и падать снова. Формен уничтожал его своими кулаками на глазах у всего мира. Фрезер падал шесть раз, но вставал и даже пытался контратаковать. Когда он упал в седьмой, Джордж Формен склонился над ним и посоветовал: «Лучше оставайся там, Джо! С тебя хватит». Но Фрезер все-таки встал — и был спасен судьей, остановившим бой.

Теперь на самой вершине оставались двое: Али и Формен. Олень Али и Буйвол Формен встретились в октябре 1974 года в столице Конго Киншасе, на ночном стадионе под открытым небом, в свете прожекторов и яркой африканской луны. Той ночью «Большой Джордж» вел бой в своей обычной наступательной манере и казался могучим и непобедимым, как всегда. Но в восьмом раунде Али, с его феноменальным чувством ритма, поймал своего противника на выходе из атаки и ударил. Формен — машина с пудовыми кулаками, на огромных ногах — упал и не смог встать. Али танцевал в африканской ночи, воздев руки над головой, под грохот тамтамов. Формен в это время сидел в раздевалке и смотрел в стену. Это было его первое в жизни поражение. Он еще не знал, что прежнего Формена, немудреного парня, боксера, не знающего слабости и внушающего страх, больше нет. Али не просто победил его — он сломал в нем что-то.

Боксер-тяжеловес, выходящий на ринг, ставит на кон не только целостность своей челюсти, но и целостность своей личности. В послужных списках тех, кто на самом верху, почти нет поражений — даже одно-единственное часто ломает чемпиона. И когда в схватке на ринге сходятся два титана, каждый из которых убежден в своей непобедимости, то проигравший теряет не только пять миллионов долларов, но и самого себя. Он, выстроивший свою жизнь в уверенности в том, что он и есть самый сильный, вдруг без сознания лежит на ринге, поверженный, слабый и беззащитный.

Удар Али выбил из Формена его веру в собственное предназначение. Этот парень из тexasского захолустья, пятый из семи детей железнодорожного служащего, годами жил с непререкаемым чувством собственного физического превосходства над всеми живущими. Он считал, что пришел в этот мир, чтобы быть лучшим боксером — лучшим, чем Али, лучшим, чем Фрезер, лучшим, чем еще десятки и сотни других. Теперь в крупной, бритой наголо голове Формена прорастали странные мысли. Его прежние идеалы — идеалы кулачного бойца, убежденного в силе своего кулака, — перестали ему нравиться. Он почувствовал, что он пуст. Потом в его пустоте стала прорастать новая вера, не имевшая ничего общего с боксом. 13 мая 1977 года в Сан-Хуане Джордж Формен вышел биться против Джимми Янга. Он опять проиграл. Это было второе поражение в его жизни. Первое, от Али, разрушило его, второе, от Янга, воссоздало. «Я почувствовал, как во мне пробудился Христос, — рассказывал он. — Я встал под душ и вышел родившимся заново. Я восславил имя Божье. Аллилуйя, аллилуйя!»

Он ушел из бокса и пытался проповедовать. Это дело не очень легко давалось ему — он никогда ничему, кроме хуков и апперкотов, не учился, никогда ничего, кроме детективов на ночь, не читал. Красноречия в нем не было. Но телосложение и опыт боксера позволяли ему без страха идти на самые опасные улицы и заговаривать с самыми криминальными персонажами. Однажды молодой высокий негр попытался затеять драку с Форменом. «Большой Джордж» ласково отодвинул его ладонью: «Не надо, малыш. Не в этом суть».

В 1984 году, десять лет спустя после боя в Киншасе, Джордж Формен проповедником явился в дом Мохаммеда Али. Али за эти годы превратился в развалину. Три тысячи ударов, полученных им за двадцать лет на ринге, вызвали у него болезнь Паркинсона. Бывший любимец судьбы, боксер и шоумен стал угрюмым мизантропом. Американский журналист Гари Смит был свидетелем странного религиозного диспута, происшедшего между двумя великими экс-чемпионами.

«Скажи мне, что ты любишь Иисуса, Мохаммед», — сказал Формен.

«Я не хочу ничего знать о Христе, я хочу познать Бога», —

сказал Али.

«Он жив. Он не умер. Он ждет тебя. Не противься этому», — сказал Формен.

«Я обрел мир, мир ислама. Иди, помолись со мной. Я молюсь пять раз в день, Джордж», — сказал Али, начиная раз-дражаться.

«Но никто не отвечает тебе...» — упорно гнул свое Формен. Тогда Али встал и ушел, не прощаясь. У Формена в глазах стояли слезы. «Ты видел, как дрожат у него руки? Ты видел его глаза? — растерянно спрашивал он Гари Смита. — Я хотел бы, чтобы в моей жизни не было боя против него. Как должен чувствовать себя человек, который собственными кулаками способствовал сегодняшнему состоянию Али? Слава Богу, что я тогда не выиграл бой в Киншасе».

Десять лет, проведенных вне ринга, в размышлениях о Боге и заботе о газонах, изменили Джорджа Формена. Тупой самоуверенности и наглой усмешки, которая прежде всегда была на его лице, когда он глядел на противника, у солидного садовника Формена не было. Сходясь с ним в центре ринга, противники бросали на него испепеляющие взгляды и, провоцируя, говорили насмешливые слова — его лицо только каменело в ответ. Когда перед боем он спокойно стоял в своем углу, в длинном лиловом халате, и флегматично пожевывал резинку, то напоминал большого учителя физкультуры, которому предстоит очередная возня с мальчишками. Мальчишки все были на пятнадцать-двадцать лет моложе его. Удар гонга еще не успевал затихнуть, как они скорым шагом, нетерпеливо налетали на него и наносили первые удары, которые он принимал на предплечья. Затем, не торопясь, ступая на всю ступню, он начинал неуклонное движение вперед. Огромный, высокий, бритый наголо, темнокожий дядька с раскосыми глазами, гигантскими бицепсами, обширным брюхом и не менее обширным задом, в длинных атласных трусах, медленно и методично теснил своих противников и, помахивая в воздухе кулаками в красных перчатках, ловил момент для удара. Удары его прошибали любую защиту и были исключительно метки. Скепсис публики быстро превратился в восторг. В 1987 году Джордж Формен выиграл 5 боев, все нокаутом. В 1988-м он выиграл 9 боев, опять все нокаутом.

Он боксировал очень продуманно. Молодым боксерам он не позволял вовлекать себя в круговорот перемещений, в темповой бой. Все они были быстрее его, но это мало им помогало, потому что он каким-то образом умел подавлять их активность и сверхактивность своей медлительностью. Что касается силы и точности ударов, то тут он превосходил всех. Он недаром рубил деревья своим гигантским топором — его руки восстановили прежнюю силу, налились прежней тяжестью. Его руки были настолько велики, что, казалось, ему нелегко двигать ими. В их способности попадать противникам прямо в лоб было что-то таинственное. Сам Формен, похоже, знал, что его ум боксера сосредоточен именно в руках. Что они имеют некое автономное, независимое, самодостаточное существование. Во всяком случае, еще в 1974 году, перед боем с Али в Киншасе, встретив в холле отеля писателя Нормана Мейлера, специально прилетевшего посмотреть на сражение, Формен не без удивления посмотрел на протянутую ему для рукопожатия руку и сказал: «Извини, Норман, я не могу подать тебе мою. Ты же видишь, мои руки лежат в карманах». Так и теперь он мог бы сказать своим молодым соперникам, рушившимся под его ударами: «Извините, ребята, я совсем не желаю вам зла. Но руки у меня тяжелые. Ничего не могу с ними поделать...»

В свирепые, наполненные ненавистью, искрящиеся агрессией драки молодняка Джордж Формен — как ни странно это прозвучит относительно боксера-нокаутера — внес дух добродушия. Майк Тайсон, чемпион мира, негр с криминальными наклонностями, выходя на ринг, выходил убивать; он любил насилие. Формен тоже был не склонен шутить, но желания убивать или уничтожать в нем не было; в его трактовке бокс превращался в древнюю, исконную забаву богатырей, меряющихся силами в кулачном бою. Джерри Куни, белый гигант с размахом рук 2 м 5 см, пропустил от Формена удар, упал, встал, пропустил новый удар и

упал без чувств. Бой продолжался 1 минуту 19 секунд. Терри Андерсон в Лондоне в августе 1990-го выстоял против Формена чуть больше двух минут. Чемпион Канады Кен Лакуста продержался чуть дольше. Затем пришла очередь чемпиона Аргентины Вальтера Массарони. Мика Джеммисона, спарринг-партнера Тайсона, Формен нокаутировал в Лас-Вегасе, в четвертом раунде.

При этом он никуда не торопился, ни на кого не набрасывался с яростью. Бокс в исполнении сорокалетнего Джорджа Формена был делом неспешным, немудреным и простым: прицелься получше да ударь посильнее. Но это была та простота, в которой мастерства и искусства больше, чем в иной сложности.

Джордж Формен вернулся в бокс, когда бокс (и — шире — спорт вообще) в глазах публики и глазах спортсменов все отчетливее и отчетливее приобретал черты молодежной забавы, молодежной культуры. От зала для спортивной гимнастики до зала для игры в шахматы — повсюду на первый план выходили вундеркинды и властно захватывали заглавные роли. В боксе молодежную революцию совершил уже упоминавшийся здесь Майк Тайсон; в шахматах успехи Гарри Каспарова и следующих за ним молодого человека Василия Иванчука и мальчика Гаты Камского заставили сорокалетних гроссмейстеров почувствовать себя выброшенными на свалку истории. Это быстрое созревание тинэйджеров, их гипертрофированное физическое и интеллектуальное развитие привело к тому, что людям среднего и пожилого возраста не с кем стало ассоциировать себя в спорте: между героями спортивных арен и публикой тридцати-сорока лет возникла пропасть, и она все ширилась. Спорт стал поставлять кумиров исключительно для молодежи. Оптимистичные, белозубые, уверенные в себе, идеально сложенные молодые люди вроде теннисистки Дженифер Каприати или хоккеиста Марио Лемье всем своим обликом и поведением создавали впечатление, что сила, красота, приключение, успех, героизм и эротика — привилегия двадцатилетних.

Джордж Формен не просто разрушил этот миф — он посмеялся над ним. В эпоху, когда молодые спортсмены с невероятной серьезностью рассуждали о «тренировочных циклах», «научных методах подготовки», «психологическом тренинге»; в то время, когда они с сознанием собственной исключительности и исполняемого долга подставляли спинки и попки под шприцы врачей, впрыскивающих им химию, он помахал топором, посидел на диете и сокрушил дюжину здоровенных молодцев, годящихся ему в сыновья (и даже не перестал пить виски). Спокойный, мудрый, переживший взлет и крушение, Джордж Формен оказался не просто калифом на час, сильным боксером на один бой — его устойчивая психика, его запас воли, его знание об условности победы и поражения позволили ему во второй раз в жизни подняться в элиту профессионального бокса и держаться там вот уже пять лет! И он заново открыл для публики старую истину: возраст — это условность. Можно быть сильным в двадцать, слабым в тридцать и снова сильным в сорок.

Майк Тайсон, с которым Формен так хотел сразиться, не дождался его — сначала проиграл нокаутом Джеймсу Дугласу, а потом сел в тюрьму за изнасилование. Но Формен все-таки добрался до чемпиона мира — им после победы над Дугласом стал Эвандер Холифилд. Их бой продолжался все двенадцать раундов. Победа с равной справедливостью могла быть присуждена и той и другой стороне, но судья поднял руку Холифилда. Возможно, он действительно был чуть точнее в обмене ударами. Но возможно и то, что судьи не смогли преодолеть глубоко сидящий в них предрассудок, говорящий о том, что невозможно в сорок три года стать чемпионом мира по боксу в тяжелом весе! Этого не было никогда. И, значит, не может быть.

Но Джордж Формен не обиделся. Потный, усталый, с распухшими подглазьями, он спускался с ринга с улыбкой.

НА ПОСОШОК

Стивен КИНГ,
американский писатель

Рассказ

Было четверть одиннадцатого ночи. Херб Тукландер уже подумывал закрываться, когда в бар «У Туки», что в северной части Фалмуса, ввалился мужчина в модном пальто. Лицо у него было бледнее белого. Это произошло десятого января, большинство людей уже забыли о своих предновогодних клятвах и успешно продолжали жить по-старому. Дул ураганный северо-восточный ветер. Еще до темноты выпало шесть дюймов снега, и снегопад продолжался. Мимо бара дважды проехал Билли Ларриби на своем снегоочистителе, и Туки вынес ему пива — из чистой благотворительности, как назвала бы такой поступок моя мать. Билли рассказал нам, что главную дорогу чистят, но второстепенные останутся закрытыми, как минимум, до утра. Радио обещало большие сугробы и скорость ветра до сорока миль в час. В баре остались лишь я и Туки. Мы слушали вой ветра и смотрели, как в очаге пляшет пламя.

— Выпей на посошок, Бут,— предложил Туки.

Он плеснул в стаканы виски. В этот миг и появился тот запорошенный снегом незнакомец. Вслед за ним ворвался ветер.

— Закройте дверь! — кричал Туки.

Я в жизни еще не видел такого перепуганного человека — он напомнил мне лошадь, которая целый день ела крапиву.

— Моя жена... дочка... — и человек рухнул в обморок.

— О Боже! — пробормотал Туки. — Закрой дверь, Бут.

Я с трудом притворил дверь. Туки уже стоял возле незнакомца и хлестал его по щекам. Я сразу увидел, что дела поганые — лицо незнакомца пошло красными и серыми пятнами. Если долго живешь в Мэне, знаешь, что такие пятна означают обморожение.

— Достань бренди,— приказал Туки.

Я принес бутылку. Туки расстегнул на человеке пальто — тот, кажется, немного пришел в себя и что-то неслышно шептал.

— Плесни в пробку.

— Так мало?

— Это настоящий динамит,— объяснил Туки. — Нет смысла перегружать ему карбюратор.

Я налил в пробку. Бармен кивнул:

— Давай прямо в отверстие.

Я влил бренди незнакомцу в рот. Вы бы видели это зрелище! Парень весь задрожал, веки взлетели вверх, будто жалюзи на окнах. Я немного встревожился, но Туки, словно ребенка, усадил его и хлопнул по спине.

Незнакомца явно повело, и Туки хлопнул посильнее.

— Держитесь. Это бренди выходит.

Незнакомец еще несколько раз кашлянул и затих. Только сейчас мне удалось его разглядеть. Как и следовало ожидать, горожанин, похоже, откуда-то с юга. В дорогах, но тонких перчатках из кожи — на руках, верно, полно этих серовато-белых пятен, ему сильно повезет, если он не лишится пары пальцев. Пальто стоит сотни три, это точно. Ботиночки едва достигают лодыжек, и я с тревогой подумал о его ногах.

— Мне лучше,— пробормотал он.

— Можете подойти к огню? — поинтересовался Туки.

— Моя жена и дочь. Они там... в метели.

— По вас и верно не скажешь, что они сидят дома у телевизора,— пошутил Туки. — Идите к огню, расскажите. Помогите ему, Бут.

Незнакомец встал, и губы его искривились от боли: ну, конечно, отморозил пальцы на ногах. Почему Господь Бог, спросил я себя, создает таких нью-йоркских дураков, которые пытаются проехать через Мэн в самую метель? Неужели его жена и дочь одеты так же, как этот балбес?

Мы усадили парня перед огнем, и он задрожал еще сильнее. Обхватил руками колени, застучал зубами, а с кончика носа упало несколько капель. Кажется, сейчас до него дошло, что, проведи он на улице еще минут пятнадцать, и неизвестно, чем бы все кончилось. Виноват, конечно, не снег, а холодный ветер.

— Где вы застряли? — спросил Туки.

— В шести милях к югу отсюда.

Мы с Туки переглянулись, и я почувствовал, что мне тоже стало очень холодно.

— Вы уверены? — взволновался Херб. — Неужели вы прошли шесть миль по такому снегу?

— Мы направлялись к сестре жены... в Камберленд... никогда там раньше не был... мы из Нью-Джерси.

— Уверены, что шесть миль? — не отставал Туки.

— Я нашел перекресток, но он был так занесен снегом... он был...

Туки как-то сразу постарел — теперь он выглядел лет на десять старше своих шестидесяти шести.

— Вы сделали правый поворот?

— Да, правый. Моя жена...

— Вы видели знак?

— Знак? — Человек недоуменно взглянул на Туки и потер кончик носа. — Конечно, видел. Мне рассказывали, как ехать — по Джойнтер-авеню через Малый Иерусалим и выехать на шоссе, — незнакомец перевел взгляд на меня, затем вновь посмотрел на Туки. Снаружи стонал и завывал ветер. — Разве я неправильно ехал, мистер?

— Иерусалим! — прошептал Туки. — О Господи!

— В чем дело? — встревожился незнакомец. — Я что, неправильно ехал? Конечно, дорога вся в снегу, но я подумал... Если там город, значит, есть снегоочистители... И потом, я... — Он умолк.

— Бут,— тихо сказал мне Туки. — Позвони шерифу.

— Правильно,— согласился этот дурак. — Да что с вами, ребята? Вы будто привидение увидели!

— В Малом Иерусалиме нет привидений, мистер,— сообщил Туки. — Вы сказали своим, чтобы они оставались в машине?

— Конечно,— в голосе его послышалась обида. — Я еще не совсем с ума сошел.

Ну и ну, я бы этого не сказал.

— Как вас зовут? — поинтересовался я. — Это для шерифа.

— Ламли. Джерард Ламли.

Они о чем-то разговаривали с Хербом, а я снял телефонную трубку, но не услышал ничего, кроме тишины.

Пришлось вернуться к огню. Туки налил Джерарду Ламли еще бренди.

— Телефон не работает.

— Черт побери!

На улице ревел ветер, швыряя в окна снег. Ламли смотрел то на меня, то на Туки.

— У вас что, нет машины? — забеспокоился он. — Им нельзя включать мотор, чтобы не замерзнуть, а бензина осталось с четверть бака. К вам я добирался часа полтора... Послушайте, почему вы молчите? — Он вскочил и схватил Туки за рубашку.

— Мистер, не давайте рукам волю,— урезонил его Херб.

— Штат Мэн,— прошипел Ламли. У него это прозвучало как ругательство. — Ладно. Где ближайшая заправка? У них должен быть тягач...

— Ближайшая заправка в центре Фалмуса,— ответил я. — Это три мили отсюда. И она закрыта.

Ламли уставился на нас.

— О чем это вы говорите, старина?

— Он пытается втолковать, что заправка принадлежит Билли Ларриби, а Билли сейчас чистит дороги, чертов вы дурак, — терпеливо объяснил Туки.

Ламли испуганно спросил:

— Так вы говорите, что... что там никого нет?..

— Если вы хоть минуту помолчите, мы решим, что делать.

— Что такое Малый Иерусалим? — не унимался Ламли. —

Почему там дорога не чищена и нигде ни огонька?

— Малый Иерусалим сгорел два года назад,— ответил я.

— И они до сих пор не отстроились?

— Да,— я взглянул на Туки. — Что будем делать?

— Их там оставлять нельзя.

Ламли отошел к окну и уставился в снежную мглу.

— Что, если их уже... того? — спросил я у Туки.

— Возможно, но точно мы не знаем. У меня здесь Библия. А ты еще носишь свою папскую медаль?

Я вытащил из-под рубашки распятие: меня воспитывали в протестантском духе, но большинство людей, живущих поблизости от Иерусалима, носят распятия или четки. Дело в том, что два года назад в темную октябрьскую ночь в Малом Иерусалиме произошло какое-то зло. Иногда поздние за все гдатаи Туки усаживались у огня и обсуждали эти странные происшествия. Понимаете, в Иерусалиме начали исчезать люди. Сначала один, двое, затем все больше и больше. Постепенно позакрывались школы, магазины, городок пустел. Чужаки в него заезжали лишь изредка — главным образом, дураки из других штатов вроде этого красавца. Но никто не задерживался, и через месяц-другой они уезжали. А другие... ну, те тоже исчезали. Затем, в конце долгой сухой осени, город сгорел. Дотла. Предположили, что пожар начался в Марстен-хаузе, стоящем на холме над Джойнтер-авеню, но никто так толком ничего и не знает. Пламя бушевало три дня.

Я всего лишь раз слышал слово «вампиры». В ту ночь, когда к Туки заехал психованный водитель грузовика Ричи Мессина из Фрипорта.

— Иисусе Христе! — ревел этот тип: он уже был на взводе. —

Неужели вы так боитесь сказать это вслух? Вампиры! Вы же о них думаете? Вы знаете, что там, в Малом Иерусалиме? Хотите скажу? Хотите?

— Скажи, Ричи,— попросил Херб Туки. В баре наступила тишина. Слышался лишь треск огня и мягкий шум ноябрьского дождя. — Слово предоставляется Ричи Мессине.

— Вы стая трусов! — обвинил нас Мессина. — Вы ничем не отличаетесь от старух, которые любят истории про привидения. Я согласен за восемьдесят долларов провести ночь в остатках Марстен-

хауза. Ну как? На спор?

Желающих поспорить не оказалось. Ричи был болтуном, пьяницей, и по нему не стали бы лить слезы, но отправлять его в Малый Иерусалим после наступления темноты никто не хотел.

— Черт бы вас всех побрал! — продолжал бушевать Ричи Мессина. — У меня в кабине лежит дробовик, который остановит кого угодно и в Фалмусе, и в Камберленде, и в Малом Иерусалиме, куда я сейчас и направляюсь!

Он выбежал из бара. Некоторое время все молчали, затем Генри Ламонт тихо произнес:

— Мы сейчас в последний раз видели Ричи Мессину, — и перекрестился.

— Он протрезвеет и одумается, — неубедительно возразил Туки.

Прав оказался Ламонт. С того вечера никто больше не видел Ричи. Миссис Мессина сказала полицейским, что думала, будто муж отправился во Флориду по делам, но в ее испуганных глазах можно было прочесть правду. Вскоре она переехала: наверное, боялась, что как-нибудь темной ночью Ричи за ней явится. И я, кстати, совсем ее не осуждаю.

А сейчас мы с Туки смотрели друг на друга. Я спрятал распятие обратно под рубашку. Никогда еще в жизни я не чувствовал себя таким старым.

— Мы не можем оставить их там, Бут, — повторил Херб.

— Знаю.

Еще несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза, затем Туки сжал мое плечо.

— Ты хороший мужик, Бут.

От этой похвалы я осмелел. Когда вам за семьдесят, окружающие начинают забывать, что вы мужчина или по крайней мере когда-то им были.

Туки подошел к Ламли и сказал:

— У меня есть «скаут» с четырьмя ведущими колесами.

— Господи, да почему же вы раньше не сказали? — Ламли отвернулся от окна и сердито уставился на Туки. — Зачем было столько времени ходить вокруг да около?

— Мистер, закройте свое поддувало, — очень тихо посоветовал Херб. — И если вы захотите открыть его, вспомните, кто свернул на нерасчищенную дорогу в самый разгар чертовой метели!

Ламли хотел ответить, но сдержался, лишь покраснел. Туки отправился за машиной. Я нашел под стойкой хромовую фляжку и наполнил ее бренди: похоже, оно нам этой ночью пригодится.

Метель в Мэне... Вы хоть раз видели это светопреставление?

Снег скрежетал по корпусу и стеклам «скаута», как песок. К снегу еще можно кое-как привыкнуть, но вот ветер мне явно не нравился. И в жерле этой снежной кутерьмы таилась смерть, белая смерть и, может, что-то еще, пострашнее.

Мы ехали со скоростью двадцать пять миль в час. Не верилось, что всего час назад здесь проехал Билли Ларриби: дорогу уже замело дюйма на два. Порывы ветра раскачивали «скаут», перед фарами вращалась белая пустота. Мы не встретили ни одной машины.

— Эй! Что это?! — воскликнул Ламли.

Он тыкал в окно с моей стороны, но я смотрел прямо перед собой. Я повернулся, но недостаточно быстро. Будто что-то отскочило от машины и растворилось в темноте, хотя мне все это могло помешаться.

— Что это было? Олень? — спросил я.

— Кажется, да, — дрожащим голосом ответил Джерард Ламли. — Но... с красными глазами. Разве по ночам у оленей глаза горят красным огнем? — в его голосе послышалась мольба.

— Они могут светиться как угодно, — ответил я, подумав, что видел по ночам из машины множество оленей, но ни одного — с красными глазами.

Туки молчал.

Через пятнадцать минут мы подъехали к месту, где справа сугробы оказались чуть пониже — на перекрестке снегоочистителя приходилось поднимать нож.

— Похоже, здесь мы свернули, — неуверенно пробормотал Ламли. — Но я не вижу знака...

— Вон он, — каким-то странным голосом сообщил Херб Туки. — Торчит одна верхушка.

— Ах да, действительно, — облегченно вздохнул Джерард Ламли. — Послушайте, мистер Тукландер... Я хочу извиниться за свое поведение в баре. Я замерз, страшно волновался. Хочу поблагодарить вас обоих...

— Не благодарите нас с Бут, пока мы не найдем ваших, — ответил Туки. Мы свернули на Джойнтер-авеню, которая проходит через Малый Иерусалим. Время от времени свет фар выхватывал слабые следы другой машины. Ламли наклонился вперед. Неожиданно Туки обратился к нему:

— Мистер Ламли!

— Что?

— Жители этих мест побаиваются Малого Иерусалима, — как

можно беспечнее сообщил Херб, но я заметил, что вокруг рта у него залегли горестные складки. — Если ваши не выходили из машины, с ними все в порядке. Отвезем их ко мне, а завтра, когда метель стихнет, Билли вытащит ваш автомобиль. Но если они не в машине...

— Не в машине? — прервал его Ламли. — Почему они должны быть не в машине?

— Если они не в машине, — продолжал Туки, — то мы разворачиваемся и едем в Фалмус за шерифом. В такую метель одни мы ничего не сделаем.

— Они будут в машине. Где же им еще быть?

— И еще одно, мистер Ламли, — добавил я. — Если мы кого-нибудь увидим, необходимо молчать. Даже если с нами заговорят. Понимаете?

— О чем это вы говорите? — медленно и с расстановкой спросил Джерард Ламли.

Я замешкался с ответом, потому что один Господь знает, что бы я брякнул. Меня опередил Туки.

— Приехали.

Мы подъехали к большому «мерседесу», едва выглядывающему из-под снега. Задние огни горели, и в воздух поднимались выхлопные газы.

— Хорошо, хоть бензин не кончился! — радостно воскликнул Ламли.

Туки нажал на тормоз.

— Помните, что сказал вам Бут?

— Конечно, конечно. — Но Ламли сейчас думал только о своей жене и дочери. Как можно его винить за это?

— Готов, Бут? — обратился ко мне Туки. Его серые глаза угрюмо смотрели на меня.

— Кажется, да, — неуверенно отозвался я.

Мы вышли из машины. Ветер набросился на нас, ослепил снегом. Джерард Ламли, согнувшись, шел первым. Его модное пальто развевалось, как парус. Он отбрасывал две тени — одну от фар «скаута», вторую — от задних огней «мерседеса». Я шел за ним, а в шаге от меня следовал Туки. Когда добрались до багажника «мерседеса», Херб схватил меня за руку.

— Дальше пусть идет сам.

— Джейни! Фрэнси! — закричал Джерард Ламли. — Все в порядке? — Он открыл дверцу со стороны водителя и заглянул в машину. — Все... — Ламли умолк.

Ветер вырвал у него из рук тяжелую дверцу.

— Господи, Бут, — сказал Туки. — Кажется, это опять случилось.

Ламли обернулся к нам. На испуганном лице застыло изумление, глаза были широко раскрыты. Скользя и падая, он бросился к нам и, оттолкнув меня, вцепился в Херба.

— Откуда вы знали? — заревел он. — Где они? Что, черт побери, здесь происходит?

Туки оттолкнул Ламли. Мы заглянули в «мерседес»: в салоне было очень тепло, но на приборном щитке уже горела маленькая лампочка, возвещающая, что бензин заканчивается. На коврике лежала кукла, на сиденье валялась скомканная детская лыжная куртка.

Ламли схватил курточку.

— Куртка Фрэнси? — прошептал он, а потом крикнул: — Куртка Фрэнси! — Ламли повернулся, держа ее перед собой за маленький, отороченный мехом капюшон и невидящим взглядом уставился на меня. — Она не могла выйти из машины без куртки, мистер Бут. Почему... почему... Она же замерзнет до смерти!

— Мистер Ламли...

Он бросился бежать, выкрикивая:

— Фрэнси! Джейни! Где вы? Где вы?

Я помог Туки вылезти из сугроба.

— Мы должны задержать его, Бут.

Мы кинулись вслед за Джерардом Ламли, но это было нелегко, потому что в некоторых местах мы проваливались по пояс. Догнать нам его удалось только тогда, когда он остановился.

— Мистер Ламли... — Херб положил руку ему на плечо.

— Туда... — пробормотал Ламли. — Они пошли туда. Смотрите!

Мы посмотрели вниз. Мы сейчас находились в небольшой выемке, поэтому ветер пока не замел две вереницы следов — одни большие, другие маленькие. Еще бы минут пять, и они бы исчезли.

Нагнув голову, Ламли двинулся вперед, но Туки остановил его.

— Нет! Нет!

Ламли повернулся к нам и занес кулак, но что-то во взгляде Херба заставило его остановиться. Он посмотрел на меня, затем — опять на Туки.

— Она же замерзнет! — объяснил он нам, словно глупым детям. — Неужели вы этого не понимаете? Фрэнси всего семь лет, и она вышла без куртки...

— Они могут быть где угодно, — возразил Туки. — Вы никуда не дойдете по этим следам. Они закончатся просто в следующем сугробе.

— Что вы предлагаете? — истерически закричал Ламли. — Если мы поедем за полицией, они замерзнут! Фрэнси и моя жена!

— Может, они уже замерзли, — глаза Херба Туки поймали взгляд Ламли. — Если с ними не случилось кое-что похуже!

— Что вы хотите этим сказать? — прошептал Джерард Ламли. — Выкладывайте же, черт побери!

— Мистер Ламли, — начал Туки, — в Иерусалиме есть кое-что... Однако то слово произнес я, хотя и не думал, что когда-нибудь скажу его.

— Вампиры, мистер Ламли. Малый Иерусалим полон вампиров. Наверное, так сразу это трудно переварить...

Он посмотрел на меня так, будто я стал зеленого цвета.

— Психи, — прошептал Ламли. — Да вы просто психи. — Он отвернулся и, приложив руки ко рту, закричал: — Фрэнси! Джейни! — Затем двинулся дальше.

— Что будем делать? — Я посмотрел на Туки.

— За ним! — Волосы Херба побелели от снега, он действительно немного походил на ненормального. — Я не могу оставить его здесь, Бут. Ты ведь тоже не можешь?

— Не могу.

Мы поплелись за Ламли, но он двигался значительно быстрее нас. Он был моложе, сильнее и шел по снегу, как лось. Меня начал беспокоить артрит. Я смотрел на ноги и уговаривал их:

— Еще немного, идите, черт возьми, идите...

Я врзался прямо в Туки, который стоял в сугробе. Голова его была опущена, руки прижаты к груди.

— Туки, с тобой все в порядке?

— Все о'кей, — ответил он, отрывая руки от груди. — Пойдем за ним, Бут. Когда он выдохнется, сразу все поймет.

Мы взобрались на пригорок. Внизу Ламли отчаянно искал следы. У бедняги не было ни единого шанса: ветер завывал со страшной силой, следы заметало мгновенно.

Ламли поднял голову и закричал:

— Фрэнси! Джейни! О Господи!

В его крике слышалось отчаяние и страх. Но на крик ответил лишь ветер, который, казалось, смеялся над ним: эх ты, мистер Нью-Джерси со своей модной машиной и в пальто из верблюжьей шерсти! Я взял твою жену и дочь, я засыпал их следы, и к утру они у меня будут чистенькие и аккуратненькие, как две замерзшие клубнички...

— Ламли! — Туки попытался перекрыть вой ветра. — Послушай, ты можешь не верить в вампиров, домовых и прочую нечисть, но на это ты должен обратить внимание! Ты сделаешь для них только хуже! Мы должны...

И вдруг из темноты раздался ответ, похожий на звон маленьких серебряных колокольчиков, и мое сердце замерло от ужаса.

— Джерри... Джерри, это ты?

Ламли повернулся на крик. Из небольшой рожицы появилась, как привидение, самая красивая женщина, какую я видел за свои семьдесят лет. Мне захотелось броситься к ней и сказать, как я рад, что она жива и здорова. На ней был толстый зеленый пуловер и пончо — так, кажется, эти штуки называются. И пончо, и темные волосы развевались на ураганном ветру.

Наверное, я сделал шаг по направлению к ней, потому что почувствовал на плече грубую и теплую руку Туки. И все же, как бы это выразить поточнее, я стремился к ней, такой смуглой и красивой в этом зеленом пончо, что струилось вокруг шеи и плеч.

— Джейни! — закричал Ламли. — Джейни! — И он с распростертыми объятиями бросился к ней, с трудом пробиваясь сквозь снег.

— Нет! — закричал Туки. — Нет, Ламли!

Он даже не оглянулся на нас... Но она посмотрела — и усмехнулась. Когда я увидел эту усмешку, моя жалость превратилась в ужас, холодный, как могила, белый и молчаливый, как истлевшие в саване кости. Даже с пригорка мы видели, что ее глаза вспыхнули красным огнем. Сейчас эти глаза еще меньше походили на глаза человека, чем даже волчьих. Усмешка обнажила длинные страшные клыки. Она перестала быть человеком. Она была чем-то мертвым, вернувшимся к жизни в этом черном воющем урагане.

Туки перекрестил ее, она метнулась назад и... вновь усмехнулась нам. Мы были слишком далеко и слишком, наверное, перепугались, чтобы помешать.

— Остановитесь! — прошептал я. — Неужели мы не можем остановить это?

— Поздно, Бут, — угрюмо ответил Херб Туки.

Джерард Ламли подбежал к жене. Весь в снегу, он сейчас и сам напоминал привидение. Потянулся к ней и... закричал. Этот крик я теперь буду слышать по ночам — взрослый мужчина кричал, как ребенок, которому приснился кошмар. Он попытался отойти от нее, но ее руки, длинные, нагие и белые как снег, протянулись, словно две змеи, и схватили Ламли. Я видел, как она наклонила голову и сделала резкое движение вперед...

— Бут! — прохрипел Туки. — Надо уносить ноги!

И мы бросились прочь. Побежали, словно крысы, — так, видно,

сказал бы человек, которого не было с нами в ту ночь. Мы бежали по собственным следам, скользя, падая и вскакивая опять. Я оглядывался через плечо в страхе, что эта женщина с красными глазами и дьявольской улыбкой гонится за нами.

Когда мы вернулись к «скауту», Туки согнулся и схватился руками за грудь.

— Туки! — перепугался я. — Что?..

— Мотор барахлит, — ответил он. — Уже лет пять не дает покоя. Помоги мне сесть в машину, Бут, и давай убираться отсюда, пока целы.

Я с трудом подтащил его к «скауту» и кое-как затолкнул внутрь. Туки закрыл глаза и откинул голову, его лицо пожелтело.

Я бросился вокруг капота и чуть не сбил с ног девочку с косичками в одном желтом платьице, которая стояла рядом с дверцей водителя.

— Мистер, — произнесла она высоким и чистым, как утренний туман, голосом. — Вы мне не поможет найти маму? Она куда-то ушла, а я так замерзла...

— Милая, — ответил я. — Милая, забирайся в машину. Твоя мать...

Я замолчал и в первый раз в своей жизни чуть не упал в обморок. Понимаете, она стояла на бугорке, вокруг которого не было ни одного следа.

Дочь Ламли Фрэнси жалобно смотрела на меня. Ей было не больше семи лет, и она уже никогда не станет взрослой. На маленьком, мертвенно-белом лице сверкали красные глаза, а на шейке под подбородком виднелись две точки с разорванными краями, похожие на уколы.

Маленькая девочка протянула ко мне руки и улыбнулась.

— Возьмите меня на руки, мистер, — проворковала она. — Я хочу поцеловать вас. А потом вы отведете меня к маме.

Я не хотел брать ее, но ничего не мог с собой поделать. Обреченно наклонился вперед и протянул руки. Я видел, как открывается ее рот, видел в розовом кольце губ маленькие клыки. По подбородку скользнуло что-то ярко-белое, и я с каким-то далеким ужасом, который, казалось, существует вне меня, понял, что это слюна.

Маленькие руки обняли меня за шею. В голове мелькнула мысль: «Может, это не так уж и плохо. Может, через некоторое время страх пройдет...» В этот момент из салона «скаута» вылетел какой-то предмет и ударил Фрэнси в грудь. Мелькнула вспышка огня, показалось облачко странно пахнущего дыма, и она зашипела и начала отходить. Лицо превратилось в лисью маску гнева, ненависти и боли. Она повернулась и... исчезла. На бугорке осталась лишь кучка снега, смутно напоминающая человеческую фигуру. Затем ветер разнес снег по полям.

— Бут! — прошептал Туки. — Быстрее!

Я успел подобрать предмет, который спас мне жизнь, — Туки бросил в нее Библию, которая принадлежала еще его матери.

С той ночи прошло немало времени. Сейчас я еще больше постаarel, без дураков. Херб Тукландер тихо умер как-то ночью два года назад. Бар купили муж и жена из Уотервилля. Они хорошие люди и мало что изменили. Но все равно я хожу туда уже редко, без Туки бар потерял для меня всю свою прелесть.

В Малом Иерусалиме все по-прежнему. Наутро после той январской ночи шериф нашел «мерседес» Ламли с пустым баком и выдохшимся аккумулятором. Ни я, ни Туки не сказали ни слова. Какой смысл что-нибудь говорить, все равно никто не поверит! Время от времени в наших краях исчезает какой-нибудь турист или автомобилист. Людей не находят никогда, только рюкзаки или разбухшие от дождя или снега книжки.

Мне продолжают сниться кошмары. И чаще всего в них появляется не женщина, а улыбающаяся девочка, которая просится на руки и хочет поцеловать меня. Я старик, и во сне время летит быстрее — поэтому я не жалуюсь.

Если вы как-нибудь заедете на юг штата Мэн, не пожалейте — у нас потрясающе красивая природа. Может, вы даже заглянете выпить в бар «У Туки». Отличное местечко, новые владельцы даже не изменили названия. Ничего страшного, пейте, но затем обязательно последуйте моему совету: поезжайте прямо на север и, что бы ни случилось, не сворачивайте на дорогу в Малый Иерусалим! Особенно вечером.

Где-то там бродит маленькая девочка, которая хочет кого-нибудь поцеловать и пожелать доброй ночи.

Перевел с английского С. МАНУКОВ

POBESHIK

JOHN
TRAVOLTA

ЧУЖОЙ 3

ALIEN 3

США. 1992 г. 1 ч. 55 мин. Реж. Дэвид Финчер. В ролях: Сигурни Уивер (Рипли), Чарльз С. Даттон (Диллон), Чарльз Банс (Клеменс), Пол Макгэнн, Брайан Гловер, Ральф Браун и др.

Спустя тринадцать лет после первого «Чужого» и пять — «Чужих», наступил третий фильм серии, снятый на этот раз молодым режиссером (Дэвид Финчер, правда, уже прославился, но как автор клипов Мадонны, Поли Абдул и Джорджа Майкла). В этом фильме нас снова ждет встреча с Сигурни Уивер (которую режиссер смог уговорить обриться наголо) и страшными инопланетными «чужими». Героиня фильма Рипли оназывается на отдаленной планете, ставшей местом, куда ссылаются нарушители закона, и там на нее вновь нападают злобные монстры, а Рипли, у которой под рукой не оказывается необходимого оружия, вынуждена полагаться почти исключительно на смекалку.

THE PLAYBOYS

ПЛЕЙБОИ

Великобритания, США. 1992 г. 1 ч. 49 мин. Реж. Джиль Маккиннон. В ролях: Альберт Финни (Брендан Хигерти), Эйдан Куинн (Том), Робин Райт (Тара Мангайр), Эйдриан Данбар (Мик), Алан Девлин, Мило О'Ши, Найм Кьюсак и др.

Очень тонкая и нежная мелодрама, действие которой происходит в середине пятидесятых годов в ирландской деревне. Здесь живет гордая и независимая девушка Тара, которая рождает внебрачного ребенка и упорно отказывается отвечать на расспросы односельчан о том, кто же отец... За Тарой ухаживают двое местных — полицейский Брендан Хигерти и молодой хулиган Мик. Оба желают «смыть позор» с девушки, и обоим она отказывает. А в это время сюда приезжает бродячая театральная труппа «Плейбой», и ее герой-любовник Том присоединяется к шлейфу обожателей Тары. Естественно, деревенская девушка устоять не в силах, но местные жители, возглавляемые полицейским и хулиганом, устраивают влюбленным всякие деревенские пакости. В фильме много очень милых и забавных сцен, а американские актеры Робин Райт и Эйдан Куинн прекрасно вписываются в ирландскую «глубинку».

ПАПУЛЯ ДЖОН

Звезда Джона Траволты — актера, певца, танцора — взошла более десяти лет назад, вспыхнув неожиданно и ярко. Мюзиклы «Лихорадка субботней ночи», «Напомаженный», «Городской новбой» принесли ему огромную популярность, статус суперзвезды и множество призов (в том числе и вожделенного «Оскара»). Американская миллионерша, восхищенная его атлетическим — ни грамма жира — сложением, грацией и танцевальным мастерством, предложила Джону миллион долларов за право стать отцом ее ребенка. Траволта вежливо отклонил лестное предложение дамы.

Казалось бы, впереди — долгий звездный путь, фильмы, диски, зрительская любовь. Но... Скорострительно умирает мать Джона Хелен, актриса и спортсменка. Тяжело заболевает отец. Джону приходится отказываться от нескольких интересных ролей, в том числе в фильме «Американский жиголо», принесшем заменившему его дебютанту Ричарду Джиру славу.

Все пошло под гору. Два новых фильма с участием Траволты «Blow at» («Уйди») и «Они оба одного сорта», где он решил сменить амплуа и выступить в более серьезной роли, не пришлись по душе его фанатам. А попытка вновь затанцевать в фильме Сильвестра

Сталлоне «Остаться в живых» была принята в штыки американской критикой.

О Траволте стали забывать. И режиссеры, и поклонники. Ловцы автографов меняли десять подписей Джона на одну — Тома Круза. Похоже, он и сам махнул на себя рукой. Правда, так и не пристыжился к вину и сигаретам, но во вкусной еде себе не отказывал. Покинув Голливуд, неизменно требующий «хорошей мины при плохой игре», он поселился в Дайтон-Бич, штат Флорида, толстел и с тоской смотрел на набирающих очки коллег — Мики Рорна, Брюса Уиллиса и других.

И вот, спустя десять лет, — фурор! Джон Траволта, сбросивший лишние двадцать килограммов, вернулся в обойму сильнейших с фильмом «Только послушайте, кто это там говорит». Фильм установил рекорды посещаемости сначала в Штатах, а потом и в Европе, хотя Траволта в нем вовсе не танцует — он играет обыкновенного парня, таксиста Джима, который в этом фильме становится сначала нянкой, а потом и настоящим отцом мальчика одинокой мамы. (Ее играет Кристи Элли.) Во второй части у Джима и его жены рождается уже общий ребенок, и эта трогательная, добрая комедия пришлась по вкусу зрителям всех возрастов.

Ну а теперь Траволта, вдосталь нанячившись в кино, стал отцом в жизни — «И это самая ответственная моя роль!»

И. НЕВСКАЯ

MEDICINE MAN

ЗНАХАРЬ

США. 1992 г. 1 ч. 45 мин. Реж. Джон Мактирнан. В ролях: Шон Коннери (доктор Кэмбелл) и др.

Джон Мактирнан в свое время снял такие славные боевики, как «Крепкий орешек» и «Охота за «Красным Октябрем», и поэтому зритель вправе был ожидать и следующего «крутого» боевика. Однако Мактирнан обманул ожидания — и удовольствию зрителей. Перед нами фильм, жанр которого можно было бы определить как «экономический боевик»: живет себе в джунглях Амазонии американский врач, доктор Кэмбелл, и прекрасно себя среди индейцев чувствует. Да и индейцы за много лет признали его своим и даже изгнали из племени знахаря, передоверив судьбу Кэмбеллу. А Кэмбелл параллельно находит среди местных растений одно, из которого ему удастся изготовить универсальное лекарство от рака. И тут приезжает с инспекцией молодая женщина, также врач доктор Крейн. Ей очень не нравится образ жизни, который избрал для себя Кэмбелл, но сделанное им открытие заставляет ее остаться в джунглях. Они начинают работать вместе, доктор Крейн постепенно проникается теми идеями, которые внушает ей Кэмбелл, но мирной их жизни приходит конец — в джунгли вторгается цивилизация.

США. 1992 г. 1 ч. 27 мин. Реж. Брайан Ливант. В ролях: Чарльз Гродин (Джордж Ньютон), Бонни Хант, Дин Джонс и др.

В 60 — 70-е годы в Америке в большой моде были фильмы-комедии «из семейной жизни», в которых отец постоянно попадал в разные забавные ситуации, подстроенные детьми. Роль отца в них неизменно играл актер Дин Джонс, который в этом фильме — весьма напоминающем те старые ленты, — напротив, играет злодея... Но начнем по порядку, точнее, с беспорядка, который вносит в мирную жизнь стандартного американского семейства подобранный детьми щенок сенбернара. Ему дают кличку «Бетховен», и сей талантливый пес творит самые разнообразные веселые злодеяния. А попутно — и добрые дела (помогает приятелю — бродячему псу, спасает хозяина от невыгодной сделки и пр.). Отец семейства уже начинает проникаться симпатией к Бетховену, но в дело вмешивается злодей-ветеринар (которого и играет Дин Джонс). Алчному ветеринару требуется для опытов большая собака, и он клеветой заставляет семейство отказаться от Бетховена. Но в конце концов папа понимает, что лучшего друга его детей оклеветали, и вместе с мамой и детьми спасает Бетховена, а с ним — еще целую кучу замечательных собак.

БЕТХОВЕН

BEETHOVEN

AT PLAY IN THE FIELDS OF THE LORD

ИГРЫ В ПОЛЯХ ГОСПОДНИХ

США — Бразилия. 1992 г. 3 ч. 6 мин. Реж. Эктор Бабенко. В ролях: Том Беренджер (Мун), Джон Литгоу (Лесли Хьюбенс), Дэрил Ханна (Энди Хьюбенс), Том Уэйтс (Вулф), Эйдан Куинн, Кэйти Бейтс и др.

Бразильский режиссер, Эктор Бабенко, прославившийся такими фильмами, как «Чертополох» (с Дженом Николсоном и Мерил Стрип) и «Поцелуй женщины-пауна» (с Уильямом Хертом в главной роли), и здесь сумел увлечь своей идеей блистательных американских актеров. А «поля Господни» — это берега Амазонки, которыми стремятся овладеть белые промышленники (похоже, тема экологической нестерпимости стала сейчас самой актуальной). Здесь живут воинственные индейцы племени ниаруна, за чьими душами также ведется охота — к ним приезжают две семьи белых миссионеров, стремящихся обратить их в христианство. Но если миссионеры ни о чем большем и не помышляют и даже готовы защищать от разорения индейские земли, то разорители жалости не ведают: они готовы разбомбить деревню стойких ниаруна. Для чего нанимают самолет двух «солдат удачи» — Муна и Вулфа. Но Мун вспоминает о том, что он и сам — наполовину индеец-чероки, и переходит на сторону ниаруна...

Звучит это все в пересказе довольно примитивно, но глубина фильма не исчерпывается его сюжетной линией. И ни Господь Бог, ни человек не в состоянии распутать сложный клубок психологических проблем, возникающих на стыке примитивной жизни и современной цивилизации.